

Алекс Каменев



СИЛА КРОВИ

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Сила крови

Алекс Каменев

Сила крови

«Автор»

2022

Каменев А.

Сила крови / А. Каменев — «Автор», 2022 — (Сила крови)

Занесенные песком города. Война за ресурсы. Великие державы. Спорные территории. Боевые шагоходы. Одаренные в бронедоспехах. Станный мир, такой похожий и непохожий на наш. Здесь наемники воюют за перерабатывающие заводы, плантации и шахты. Здесь частные корпоративные армии проводят полицейские рейды, подавляя мятежи в мегаполисах. Здесь колониальные войны длятся столетиями, и земли веками не знают покоя. Здесь магия так же привычна, как выстрел из реактивного гранатомета. Здесь правит бал война.

© Каменев А., 2022

© Автор, 2022

Алекс Каменев

Сила крови

1.

Почему так жутко болит голова? И тело раскалывается так, что каждая мышца горит огнем, запуская волны боли по всему организму. Что случилось? Где я?

Вместо ответа пришла дикая боль, пробирая тело до кончиков ног. Из горла вырвался стон. Но тут что-то случилось и пришло облегчение. Словно пожар затушили, щедро плеснув льдистой воды.

Обезболивающие. Мне вкололи обезболивающее. И судя по скорости действия – сразу огромную дозу. Понимание пришло неожиданно. Вместе с ним замелькали какие-то странные картинки на самой периферии сознания. Лекарства начали действовать.

Нет, стоп, нельзя вырубаться, не сейчас.

Что за дерьмо со мною происходит? Чем меня накачали, и продолжают накачивать?

Нет, что-то другое. Мысли путались, думать становилось все тяжелее.

Нельзя отключаться. Плевать на боль, главное не потерять возможность думать. Сейчас главное это, и только оно.

В голове опять запульсировало.

Проклятье! Что за хрень? Меня дергало в отходняке от убойных доз препаратов.

Где я? Что происходит? И как здесь оказался?

Пришлось постараться, чтобы сосредоточиться. Превозмогая острую боль, напрягаясь, вспоминая последние дни.

Заказ. Крупный, щедро оплаченный заказ. На одного дельца из южных штатов.

Роберт Далтон – техасский нефтяной король, красавец и любимец женщин, хваткий бизнесмен и общественный деятель. Любитель идти напролом, невзирая на последствия. Именно это помогло ему в свое время вознестись на вершину.

Проблема в том, что он решил, что везде сможет действовать так. Глупый самодовольный дурак. Еще один богач, решивший, что деньги решают все.

Когда наглый южанин узнал о некоем месторождении полезных ископаемых в бразильских лесах, то решил расширить сферу своей деятельности. Хорошее желание, правильное. Только стоило подходить к его исполнению совершенно не так. Не напролом, не борзо. Ведь это только в маленьком озере ты огромная рыба, в водоеме покрупнее, могут скрываться рыбыны покрупнее, и намного зубастее.

Вот в чем проблема многих новоявленных выскочек, они думают, что у них под ногами весь мир, но оказывается, что это совершенно не так. В том проклятом деле уже имелись свои заинтересованные стороны, некая деловая группа из Азии, уже добившаяся от правительства Бразилии концессии на добычу ресурсов.

Американец вломился в почти завершенную сделку с грацией слона в посудной лавке, не посоветовавшись с более знающими людьми, которых на том же Юге всегда хватало с избытком. Старые семьи, давно заработавшие состояния, понимавшие, что грубо ломиться вперед не всегда хорошо. Если ты, конечно, не торопишься потерять голову.

Но Далтон этого не понимал. Или не хотел понимать. Используя свои связи в Госдепартаменте, он надавил на местные власти через политиков, добившись пересмотра решения в свою пользу.

Группе серьезных азиатских бизнесменов это не очень понравилось, и они обратились ко мне. После того, как с игровой доски сметают фигуру такого масштаба, поднимается шум.

Поэтому я затребовал в три раза большей от своей обычной ставки. И получил от клиентов согласие.

Первым я убрал замешанного в деле чиновника из Госдепартамента. Имитировал уличное ограбление, сунув обычный охотничий нож в печень и оставив умирать в какой-то грязной подворотне Вашингтона. Чинуша оказался любителем ночных бабочек и часто посещал значные места. Расследование быстро пришло к выводу, что на этот раз ему просто не повезло и очередная шлюха позвала друга, чтобы ограбить богатого клиента.

Простая и ясная картина, понятная даже детективам из отдела убийств департамента полиции округа Колумбия.

Я никогда особо не любил сложности.

И все прошло идеально.

Дальше настала черед главной цели. Здесь сценарий изменился. Заказчики хотели резонанса. Резкого, кровавого, с огоньком. Ликвидация должна быть выставлена напоказ. Никакой маскировки под несчастный случай. Только открытое убийство и желательно на публике. Разозленные дельцы решили преподать жесткий урок.

Приехав под личиной аргентинского бизнесмена из Буэнос-Айреса в Штаты, я добрался до нужного отеля и поднялся в указанный в присланном сообщении номер. До меня здесь жила благообразная чета американских пенсионеров со среднего запада, приехавшая в славный город Даллас на туристическую экскурсию.

Они уехали сегодня, по рассеянности «забыв» официально выписаться из гостиницы, и оставив под кроватью неприметный чемодан средних размеров.

Когда агенты ФБР и полиция начнет искать пропавшую пару, они их быстро найдут. И удивятся, потому что и настоящие и фальшивые пенсионеры-супруги даже внешне похожи, но являются совершенно другими людьми. Потом выяснится, что в то время, как подставные отдыхали в славной столице южных штатов, настоящие старики все последние дни провели в гостях у внучки, проживающей на другом конце побережья...

Что же дальше? Черт, как же плохо. Меня просто ломает, в голове будто засел ледяной штырь. Нет, все-таки вспомнил, работа была выполнена. Да, выполнена, это вспомнилось точно.

Я приехал, поднялся в номер, достал оставленный чемодан, раскрыл скрытое отделение и собрал снайперскую винтовку. Все как всегда. Привычная работа, привычные движения, привычная сноровка. Руки практически действовали на автомате.

Через секунду, как магазин на десять патронов с щелчком встал на свое место, на сцену десятую этажами ниже и тысячей метров западнее вышел Роберт Далтон, собираясь сказать перед микрофоном речь с трибуны, и заодно открыть новую парковую аллею, имени самого себя.

Точно, все так и было. Я дал ему время, чтобы поприветствовать публику. А затем прозвучал выстрел.

Пуля прошла точно в грудь, проделав дыру размером с кулак взрослого человека. Учитывая расстояние и ветер, стрелять в голову я не рискнул, зато взял экспансивные боеприпасы, обеспечив смерть даже при попадании в корпус, от болевого шока и обильной кровопотери.

Говорю же, не люблю сложности, если можно сделать все эффективнее. Пусть и немного грязней.

Все прошло чисто. Я бросил винтовку на кровать, сверху поставил зажигательную гранату с отсроченным таймером и вышел из номера аккуратно прикрыв за собой дверь. Спустился на лифте и пройдя по короткому коридору направился к служебному выходу для персонала, откуда вела дорога прямо на ближайшую парковку, где ждала взятая напрокат машина.

За камеры я не боялся, компьютерный вирус уже шинковал сервера безопасности отеля, куда шли записи с камер наблюдения.

Предстояло смыть грим, избавиться от образа знойного бизнесмена из Аргентины, превратившись в другого человека. Потом последует еще несколько смен личностей. Покидать страну будет белокурая бестия: блондин-германец, занимающийся арт-искусством со слегка педиковатыми замашками. Таких в стране победившей толерантности и политкорректности лишний раз трогать остерегались, что обеспечивало безопасный проход через таможенный контроль в аэропорту.

Что же произошло потом? До аэропорта я точно не добрался. Даже из Далласа не выбрался. Что случилось?

Точно. Появились копы. Много копов. Обычные и в штурмовой экипировке. Вперемешку, что говорило о том, что их подняли по срочной тревоге, иначе как объяснить, что рядом оказались обычный патрульный вместе с бойцами подразделения SWAT.

Я понял, что меня подставили, но сделали это как-то топорно, буквально в последний момент.

Видимо моя физиономия показалась подозрительной. Два офицера притормозили и двинулись в мою сторону, явно собираясь хорошо расспросить, а точнее задержать до выяснения личности. На что я пойти, разумеется, не мог.

Я убил обоих двумя выстрелами. Черный пистолет с глушителем мягко выплюнул два свинцовых подарка и лбы полицейских украсились красными точками.

Еще трое подорвались справа, их я встретили огнем на подавление, лишь бы не мешались. Теперь глушитель сыграл против меня, не слыша выстрелов противники смело бежали вперед. Пока один не поймал пулю прямо лицом, это серьезно притормозило других, заставив задуматься о бренности бытия собственных тушек.

Дальше к служебной лестнице. Но там уже бодро бухали ботинки еще одной группы захвата, поднимающейся без лифта. Им я отправил подарок в виде черного цилиндра – наступательной гранаты тип 5.

Бахнуло хорошо. Перепрыгнув через фарш изувеченных тел, я очутился в коротком коридоре, закончившимся входом на кухню. Сдвоенные двери приняли меня как родного, встретив ароматами готовящейся еды.

Я хорошо изучил планировку здания и знал, где находится выход. Проработка запасных путей отхода – краеугольная основа успеха проводимых операций. Можно промазать по цели, но надо уйти чисто, чтобы вернуться и попробовать снова. Но это не получится сделать, если тебя нафаршируют свинцом.

Новый подарок в виде гранаты. Гулкий взрыв и вопли раненных. Все, теперь кроме пистолета нет ничего.

Легко перепрыгнув через груды обожженного полицейского мяса, я понесся вниз, не оглядываясь. Время подгоняло, в крови бушевал адреналиновый ураган.

К этому моменту уже вовсю работала пожарная тревога, разнося по холеному телу отеля панику вперемешку с криками. Огонь из номера наконец-то вырвался наружу и понесся по внутренним переходам. Коридоры наполнились испуганными людьми.

С улицы слышались сирены пожарных расчетов. Быстро они. Я мельком позавидовал расторопности местных городских служб. Сразу видно, не зря едят хлеб, отрабатывая зарплату.

Еще один коридор, два пролета по очередной служебной лестнице. В конце прыжок сразу через десять ступенек. Дверь. Выход на подземную парковочную стоянку. Осталось недалеко.

Мужик в униформе местной охраны неожиданно вынырнул из-за угла. Я бросился на сближение, двигаясь в рваном ритме, сбивая прицел.

Толстяк со свисающим через ремень брюхом суматошно водил стволом древнего как монумент Линкольна Смит и Вессона. Я вырвал револьвер из его рук, обратным движением ткнув в височную долю рукоятью отобранного оружия. Кость хрустнула и вдавилась. Любитель гамбургеров безобразной тушей рухнул на бетонный пол.

Снова короткий забег. На этот раз путь преградили настоящие копы. Одному всадил пулю в башку, вышиб мозги, и следом второму как раз начавшего орать что-то вроде: стой и замри. Дурак, лучше бы сразу стрелял. Лично я так и сделал.

Получив пулю, крикун успокоился. Но сбоку вынырнул еще один шустряк, за каким-то чертом решивший броситься на меня с кулаками. И откуда такие берутся?

Пропустив мимо себя странного энтузиаста контактного боя, я заботливо подправил его лбом в бетонную стену парковки с нарисованной гигантской цифрой 5. Что-то смачно хлопнуло и на землю сполз еще один труп с расколотым черепом.

Снова стрельба. Боек сухо шелкнул, сообщая о пустом магазине. К счастью, враги уже кончились.

Спрыгнул на ярус ниже, нырнул под руку еще одного охранника, вырвал ему кадык, тут же подсек второго, жестко с оттягом опуская пятку на горло.

Откуда здесь столько этих ублюдков? И когда они кончатся?

Оказалось уже.

Небрежно поправив полы пиджака, я неспешным шагом направился к выходу с отельной парковки. В будке на выезде никто не стоял, должно быть все побежали ловить опасного нарушителя.

Я оставил за собой десяток трупов и все-таки прорвался. Это я помнил четко. Там уже была расставлена первая линия оцепления, и была еще одна, я это знал. Такова тактика работы органов правопорядка в Штатах. Стоило отметить, когда надо они умели быть очень расторопными сукиными сынами.

Последние минуты ухода из отеля остались четкими воспоминаниями в памяти. Но вот дальше шла пустота.

И самое главное – какого хрена туда так быстро набежало столько копов?

Какая-то гнида меня сдала? В этом почти не оставалось сомнения. Мысли коснулись посредника. Он не знал меня лично, мы с ним никогда не встречались, но за годы работы хитрый ублюдок мог накопать достаточно данных, как бы осторожен я не был, чтобы проследить и размотать длинный клубок, который привел бы его к одному из каналов, где я покупал себе личину для этого дела.

Вот еще одна непонятка, если это он, то зачем это сделал? У нас всегда с ним было взаимовыгодное сотрудничество, приносившее хорошие деньги обоим. Нет, это не посредник, он хитрый, но не дурак, знал, что если бы все провалилось, после я бы обязательно пришел за ним. Не мог этого не знать и не понимать риски.

Но в бездну все это. Пока интересное другое. Что же случилось?! Что черт возьми случилось после гребанного отеля?!

Перед глазами вспыхнула яркая вспышка, заплясали белые огоньки и сквозь нахлынувший фейерверк проступил силуэт огромного грузового трака.

Точно. Гигантская фура, прущая на всех парах прямо на красный. На хренов красный, на хреновом светофоре. Эта махина сбила меня. И не только меня. Там образовался целая куча, целый завал из смятых автомобилей.

Не повезло. Чертова банальная авария, из которые происходят каждый день тысячами на дорогах всего мира.

А затем начались взрывы. Бензобаки многих машин оказались пробиты, сначала вспыхнул пожар. Потом я сдох. Я сдох в мощном взрыве. Чертову машину, взятую напрокат на еще один поддельный комплект документов, разнесло на мелкие части.

Не повезло во второй раз.

Кажется, я даже помню невероятную боль, когда волна огня разрывала меня на ошметки. Но тогда почему я до сих пор могу думать?

Я выжил? Невозможно. Взрыв помнился четко. И это совершенно не радовало.

Проклятье! Неужели я умер?! Но как такое возможно?! Не в смысле сдохнуть во взорвавшейся машине, при моем роде деятельности подобная кончина вовсе не удивительна. Но как после всего этого я могу спокойно лежать и размышлять?

Какого хрена здесь происходит? Разве не должен быть мягкий свет, зовущий по длинному тоннелю? Или что более вероятно в моем случае – куча чертей, поджидающих у кипящих котлов? Где это все? Где мои посмертные развлечения?

Кажется, пришла пора наконец-то попытаться открыть глаза.

2.

Свет. Обжигающий. Яркий. До рези в глазах. И пульсация боли, отдающаяся в затылке. Веки никак не хотели подниматься. Я пересилил себя и с чудовищным усилием открыл глаза, заморгав от нахлынувшего жжения.

Что это? Потолок? Нет, похоже на ткань. Точно, ткань, оливкового цвета, натянутая, как тент. Нет, не тент, палатка. Разум работал странными урывками. Сказывалось воздействие вводимых лекарств.

С трудом повернул голову, в шее протестующе хрустнуло. Дерьмо, почему так болит.

Стоило об этом подумать, как пришло облегчение. Препараты, понял я, вспомнив недавние ощущения. Меня снова накачивали обезболивающими препаратами.

Повернулся и увидел змеящиеся трубочки, уходившие в белую коробку на подставке. Мигали огоньки, по узкому дисплею бежали передаваемые данные

Я осознал себя лежащим на койке. Вокруг палатка. Большая, человек на двадцать, не меньше. Москитная сетка закрывала вход. На соседней койке сидел парень и без умолку болтал.

По старой, въевшейся на уровне инстинктов привычке, бросил быстрый оценивающий взгляд, стараясь запомнить внешность. Мало ли, пригодится. Заодно поможет создать впечатление о человеке. Прикинуть, чем живет, чего ожидать, насколько опасен.

Маленький, шуплый. Болезненная худоба. Редкие волоски белесого цвета зачесаны набок. Кожа с сероватым оттенком, что прямо намекает на недостаток витаминов в организме. Верхняя губа немного подрагивает – результат частого неумеренного употребления алкоголя или наркотиков. При взгляде на такого всплывает выражение – чахоточный задохлик. Очень болтливый.

Одет странно. Комбинезон. Грязно-свинцового цвета. На груди имя – Кристофф. На правом плече нашивка с полустертым изображением то ли крылатого зверя, то ли диковинной птицы, не понять.

Но что больше всего удивило – это язык, на котором говорил паренек. Сначала я его банально не понял, отмечая лишь отдельные знакомые слова. Лишь потом до меня дошло, что говорил он на дикой смеси самых разных языков.

Мне приходилось работать во многих странах, притворяться многими людьми. Я в совершенстве знал английский и французский, на уровне разговорного испанский и германский, немного итальянский. И, разумеется, свой родной – русский.

Но я нигде и никогда не встречал ничего подобного. Это была какая-то дикая мешанина из разных языков. И если бы я их не знал, то вполне мог подумать, что слышу совершенно непонятную тарабарщину. Мелькали словечки из греческого, и кажется даже латинского. Часто проскальзывали сленговые выражения, видимо характерные для здешних краев.

Так не говорили нигде в известном мне мире. Отсюда следовал логический вывод – меня занесло совершенно в дикие дали.

Но что самое поразительное – парень называл меня другим именем. Сначала данный факт проскользнул тенью по краю сознания, пока я не догадался посмотреть на свои руки.

Это были не мои руки. А какого-то совершенно другого человека. Молодого, судя по коже.

Я часто менял лица и притворялся другими людьми, но даже мне пришлось сделать над собой усилие, чтобы принять данный факт.

Другое тело?! Как такое вообще возможно? На осознание этого потребовалось время. Я лежал и смотрел бездумным взглядом в натянутую ткань палатки и пытался прийти в себя.

Ладно. Хорошо. Допустим. Отбросим пока вопросы, как такое вообще возможно. Примем, как данность. Надо же от чего-то отталкиваться. Чувствую, если начну искать причину зависну надолго, или вообще свихнусь, попытаюсь понять, как нечто подобное в принципе может произойти.

Переселение душ... Хмм... Ну ладно, примем за точку отчета. Какой толк переживать о вещах, на которых ты не можешь оказать влияние? Многие люди только и делают, что о чем-то переживают, что их вообще никак не касается и почему-то считают, что бесполезная трата нервов может что-либо изменить. Действия. Вот что меняет порядок. Действия и воля. Все остальное тлен и ненужная суета.

Хотя насчет переселения. Если я здесь, то где бывший владелец? Я ведь получил тело... хмм... донора? Или это был перенос разумов, а не душ? Что там насчет этого говорит религия?

С этой стороны у меня полный провал. Никогда не был особо верующим. Слишком привык полагаться на себя, чем на чью-то постороннюю помощь, пусть даже и божественного порядка...

– И тут тебя накрыли «ифритом», обломки разлетелись на несколько метров, шасси заклинило, но кабина осталась целой. Повезло, ничего не скажешь.

Я сам не заметил, как стал прислушиваться к звучащей рядом болтовне. Сначала это было странно, выделять отдельные слова, переводить их и пытаться понять общий смысл, связывая между собой, но чем дольше звучала речь, тем проще становилось это делать.

– А когда вытащили, думали сдохнешь. Тебе ведь почти все брюхо разнесло. Док и говорит, мол если страховка не покрывает, то он в долг ничего делать не будет. Хватит тебе и обычной замены, а там уж сам. Так и сделали.

Я неосознанно повернул голову в сторону чересчур говорливого соседа. Заметив движение, он оживился.

– Хреново? – прозвучало почти с сочувствием. – Меня тоже отходняк долго накрывал после ранения. Помнишь то дело на фабрике Касперов? Ублюдки подогнали пару КИБов и всем стало резко не до веселья. Бездна знает, откуда они выкопали этих тварей, но воевать они умели, этого не отнять. Браса кончили, он и дернуться не успел.

Я медленно моргнул, показывая, что внимательно слушаю. Этого парню и требовалось. Похоже он был из тех, кто обожал собственный голос. Или просто не мог долго находиться в тишине, боясь услышать свои мысли. Судя по внешнему виду, он явно на чем-то крепко сидел. Может на алкоголе, может на психотропных препаратах, но точно был под зависимостью, в этом я почти не сомневался.

– Тебе еще повезло, автодок сразу заверещал, стоило твою тушку к нему подключить. Киберхирург прямо на поле начал делать операцию, никто не давал гарантий, что довезем. А призовые терять не хотелось, вот полковник и приказал начинать прямо там.

Я скосил глаза вниз и увидел замотанный бинтами бок. Виднелся самый краешек четко проявившегося шрама. Скрепленная хирургическим клеем и скобами плоть алела ярко-красным рубцом.

Значит мне провели операцию и сделали это в полевых условиях. Причем буквально.

– С потрохами у тебя все плохо. Напечатанное дерьмо долго не живет. А без полной страховки тебя даже отсюда никто не отправит. И лазарет давно переполнен, – продолжал разливаться парень.

«Напечатанное дерьмо и потроха». Я снова скосил глаза на выглядывающий из-под повязок кончик шрама. Разум моментально выстроил логическую цепочку: напечатанное дерьмо, потроха, ранение, бой, шрам. Мне впихнули напечатанные на био-принтере внутренние органы вместо здоровых?

Подобные технологии у нас только появлялись, здесь, судя по всему давно применялись на практике. И уже отработаны, если судить по тому, что операцию провели прямо в открытом поле.

Проклятье! Такая дрянь вряд ли заменяет полностью здоровые органы. Как он там сказал: это дерьмо долго не живет? Логично. Подлатать на месте, доставить до госпиталя, чтобы оказать квалифицированную медицинскую помощь. Но на последний этап у меня судя по словам болтливового соседа, не было полной страховки.

Надо срочно искать деньги на операцию, иначе загнусь, толком не успев встать на ноги. Словно поняв, о чем думаю, парень быстро проговорил:

– Да, братишка, денег-то тебе, да выплаты подойдут только через пару дней. Но ничего продержишься. Вот если бы сохранился тот кулон, мог бы загнать его полковнику, как он давно просил. Вещица явно старинная, и стоит немало монет, даром что была магическая привязка.

Я показал глазами, что внимательно слушаю, и болтун вновь оживился. Из дальнейшего рассказа выяснился интересный факт: когда мне прошлому оказывали помощь... хотя тогда меня еще тут не было, так что не совсем понятно, как его называть – реципиентом, получившим мой разум, или донором, предоставившим свое тело? Любопытный вопрос с оттенком философского смысла...

В общем, когда его подключали к кибердоку, механизм завершал, с отстраненностью бездушной машины констатируя физическую смерть. Если быть точным – полное прекращение любой мозговой деятельности, саму тушку смогли спасти, собственно накачка организма убийными дозами препаратов и не превратила его в мертвеца, умная медицинская техника продолжала поддерживать жизнь, несмотря на смерть мозга.

Так вот, в тот самый момент амулет на груди Тимофея в виде небольшого кулона распался на две половинки, а затем, к изумлению стоящих рядом людей, превратился в серый дымок, который и сгинул на глазах удивленной публики.

Тот самый старинный амулет, который так жаждал купить некий неизвестный полковник.

– Явно родовая вещь. Полковник взбесился, когда узнал, что она сгорела, – со знанием дела заключил паренек, помедлил и невпопад продолжили: -. Но мерсер на то и мерсер, чтобы всегда быть готовым к смерти.

Из дальнейших пояснений выяснилось, что мерсерами здесь называли наемников – диких гусей, бравых солдат удачи, готовых лезть хоть в самое пекло ада, лишь бы за это щедро платили.

Мы как раз и состояли в одном таком наемном отряде, относящемся к ЧВК. Командовал нашим цирком-шапито некий полковник Холт. Чопорный то ли канадец, то ли британец, имевший дурную привычку временами изображать из себя строгого, но справедливого командира, этакого отца солдатам.

На самом деле он был пропойца каких поискать, постоянно бухал, травился наркотой и ухлестывал за шлюхами. Поговаривали, что в этом плане он давно уже переключился на «экзотику», предпочитая не обычных женщин, а с приращенными фаллосами. Проще говоря, трахал трансов, изображая лошадку, или давал себя трахать, играя в маленького пони, кому не досталось травки, а чтобы заработать, надо было для начала выслужиться перед конюхом.

Об этих пикантных подробностях поведал все тот же разговорчивый парень с соседней койки, ничуть не смущаясь что его могут услышать.

Точно нарик, или совсем с головой не дружит, раз так свободно обсуждает своего командира. Или здесь действительно настолько плохо с дисциплиной, что вышестоящих офицеров ни во что не ставят, и не боятся в открытую поносить.

Любопытный факт. Еще один в копилочку знаний о здешних реалиях.

Я вдруг дернулся и часто заморгал. Что это? Еще одно наваждение? Фигуру болтуна окружала белесая дымка, невзрачная и тусклая, но четко различимая.

– А мне и говорят, иди мол следи, чтобы если откинется, сразу провода из автодока выдирай, расходники в картриджах дорогие, нечего бесполезно тратить ресурсы, новые поставки еще будут нескоро, а медикаментов и так мало. А на черном рынке цены задрали из-за тупорылых «Гепардов», умудрившихся потерять в одном бою сразу треть личного состава. Криворукие обмудки, не умеющие толком держать винтовки, – последнее он проговорил явно кого-то цитируя, тембр изменился, придав голосу презрительный оттенок.

Я потряс головой, пытаюсь избавиться от наваждения. Но нет, дымка никуда не исчезала, все так же продолжая окружать контур чересчур говорливого паренька. Может это галлюцинации? Прибор на подставке тихо гудел, продолжая накачивать меня препаратами. Кто его знает, что подавалось по изогнутым трубочкам.

Шевельнув глазами, я окинул всю палатку быстрым взглядом, надеясь увидеть похожее свечения рядом с другими предметами. Но нет, москитная сетка оставалась москитной сеткой, железные койки обычными койками, тумбочки тумбочками. Каждая физическая вещь не претерпела изменений. Они оставались прежними, за исключением болтливового соседа, не умолкавшего ни на секунду.

У меня на лбу выступила испарина, может это повреждение мозга? Судя по тяжести ранения такое вполне могло быть. Но тогда почему непонятная дымка только вокруг этого дурака? Почему чертова койка, на которой он сидел, оставалась обычной?

Я пригляделся, внимательно изучая непонятную аномалию. Она напоминала легкую пелену, как дрожь потока нагретого воздуха, только более четкую, почти осязаемую. Бесцветное марево окружало силуэт парня со всех сторон, облекая его как покрывало. Больше всего это походило на... ауру?

– А Большой Том и говорит, все шмотки Браса принадлежат ему, мол тот завещал ему их по закону. Но раз по закону, то где подтвержденная подпись? И заверенный нотариусом документ? Бумаги оформить недолго, тем более завещание и особенно сделав все по срочному протоколу, но ведь никакого файла так и не нашли. А значит все шмотки идут в разряд общей добычи. И только лишь контейнер с личными вещами будет отправлен родным. Я так и говорю, неправильно мол это...

Мысленно отрепетировав и старательно выстраивая в мешанине слов из разных языков, как это делал говорун, я медленно прохрипел:

– Кто я такой?

Болтун резко заткнулся, глаза его округлились. Парень несколько секунд ошеломленно молчал, пока не справился с потрясением. Помедлив, он с жаром бросился пересказывать мою биографию.

3.

Меня звали Тимофей Мещерский. Юноша из древнего, но давно разорившегося аристократического рода Российский Империи.

Да, здесь Россия до сих пор оставалась империей, хотя шло все то же начало двадцать первого столетия. История здесь пошла другим путем. Различия в обустройстве мира различались кардинально.

Этот мир совершенно не походил на наш, хотя общие черты присутствовали. Например, наличием государств: Российская империя, Британская, Содружество американских штатов, Франция, Испания. Знакомые названия, не правда ли.

В глобальном плане мир делился на северное и южное полушарие. В первом обосновались развитые страны, второе стало аренной бесконечного поля боя. Постоянная борьба за ресурсы и непрекращающиеся колониальные войны. Сильные не стеснялись устанавливать свои порядки, отправляя в эти регионы вооруженные силы.

Колонии и протектораты подчинялись метрополиям. В них часто вспыхивали бунты, поддерживаемые одной из сторон. Вооруженные действия считались такой же обыденностью, как наличие воздуха.

И здесь имелась магия. Сумасшедший факт, который я сначала просто не понял. Но как только осознал, сразу соотнес с наличием странного свечения вокруг ореола своего собеседника.

Тимофей Мешерский являлся выходцем из старинных фамилий, а значит имел магический дар. Как минимум его зачатки, позволявшие смотреть колдовским взором. Древняя кровь давала своим обладателям определенные преимущества.

Дворяне здесь тоже присутствовали, причем не в виде некой забавной экзотики, а именно, как отдельный сословный класс, что стоял на довольно высоких позициях в обществе.

Хотя те же корпоранты тоже имели солидную власть, и не тащились в фарватере принимаемых решений. Что важно в свете устройства здешнего миропорядка, где сила решала многое.

Что касается самого Тимофея, то с ним произошла история, старая как мир. Наивный юноша из хорошей семьи однажды повстречал юную, но расчетливую красотку. Мальчик оказался мечтательной личностью с флером романтического бреда в голове. Проще говоря – наивным простаком. Из тех, кто поет серенады под окнами и дарит девушке цветы, пока его избранницу вовсю окучивает в постели более решительный претендент, которому нет дела до души и сердца девицы, зато сильно интересуют ее прелести.

На одной из таких девиц, Тимофей и погорел. А точнее попал по полной программе, как самый настоящий идиот. Кем он в общем-то и являлся до моего появления.

Несколько якобы случайно оброненных фраз про доблесть, и счастливый кретин дает обещание своей любви привести трофеи со страшных и опасных земель. Мягкий домашний мальчик ухнул остатки своего невеликого состояния в покупку шагохода и прохождение ускоренного курса на пилота боевых машин. И рванул сюда, в Спорные территории, где война никогда не заканчивалась.

Дальше предсказуемый финал. Едва счастливый герой умотал в дальние страны в поисках подвига, девица благополучно вышла замуж за богатого старика, который теперь каждую ночь пыхтит на ней, радостно зарываясь лицом между упругих сисек, пока молодой герой влачит жалкое существование на другом конце света.

О свадьбе Тимофей узнал уже здесь и пошел во все тяжкие. Начал пить, раздал последние деньги в виде долгов, которые никто отдавать не собирался, принялся хандрить и ныть про свою жалкую судьбу.

Собственно, историю Тимофея Кристофф так и узнал. Мальчик часто любил напиваться и слезно рассказывать о себе. В основном его никто не слушал, но дурачок угощал и приходилось изображать внимание в благодарность за халявную выпивку. Хотя в большинстве своем, его презирали.

Окончательно погорел Тимофей на последней операции. Захват нефтеперерабатывающего завода пошел не плану. Когда он сюда отправлялся, то денег хватило только на малый разведывательных мех модели «Оникс». Быстроногий, легкий, с длинными лапами и коленчатыми суставами, в сидячем положении этот шагоход напоминал кузнечика переростка. В него

всадили «ифритом» – тандемным боеприпасом с умной начинкой, позволяющей маневрировать в широком диапазоне полета.

Будь на месте Тимофея опытный пилот, он бы от такого подарка шутя уклонился, но у мальчика не хватило ни навыков, ни умений, и он поймал бортом хитрый снаряд.

Остатки меха даже буксировать не стали, бросив в пустыне на подступах к нефtezаводу.

Теперь для моего донора был один путь – в обычную пехоту. Потому как контракт формально никто не отменял. Хуже того, полное лечение не покрывалось страховкой, что оплачивала компания, и после ранения ему заменили поврежденные органы дешевой поделкой, годной лишь на временную замену.

Имей Тимофей побольше опыта или нужных знаний, контора могла бы предоставить ему мех в аренду. Пилоты шагоходов всегда нужны. Но он был обычным новобранцем, не годным ни на что, кроме как поймать пулю вместо более ценного сотрудника ЧВК.

Такая суровая правда жизнь. Об этом не смущаясь, мне тоже поведал Кристофф.

По мнению бывалых наемников, такие как Тимофей ничего не стоят. Опытные псы войны обычно называют таких мясом. И нельзя их за это винить. Потому что простодушные дураки на войне и есть то самое мясо, еще одна смазка для ведения боевых действий.

Но ведь я не мясо. Не жертва. Я всегда предпочитал быть тем, кто рубит головы, а не тем, кому рубят. И изменять своим прежним принципам не собирался.

– Расскажи про шагоходы, – попросил я словоохотливого соседа по койке.

Парень бойко начал рассказ. Мех, боевой робот, шагоход – механизм, созданный для войны. Со встроенным и навесным вооружением, с обученным пилотом внутри, способный выполнять сотни боевых задач. Универсальное оружие современного поля боя. Он мог бы быть неуклюжей мишенью, если бы не нейронные чипы, дающие возможность сливаться с ним в единое целое.

Все. Больше ничего паренек не знал, потому как сам не являлся пилотом. В отличие от меня.

Я машинально провел рукой в районе затылка. В самом основании пальцы нащупали легкую выпуклость. Черная полоска татуировки вживленного нейрочипа, метка, дающая власть над стальными чудовищами.

Заметив движение Кристофф охотно пояснил, что имплант вживлялся напрямую в позвоночный столб, обеспечивая связь с головным и спинным мозгом, тем самым охватывая всю нервную систему.

Все-таки польза от болтуна была. Сам того, не подозревая он стал источником полезной информации. Если отбросить всю шелуху, что он то и дело вставлял в свою речь.

Я задумался. Наличие в башке электронного чипа оказалось слегка неожиданным.

– Его можно извлечь и продать?

Паренек нахмурился. О таком его раньше не спрашивали. Кому придет в голову избавляться от курицы, несущей золотые яйца? Ведь нейрочип давал возможность о которых другие только мечтали.

– Наверное можно, – неуверенно протянул он. – Хочешь обменять на нормальные органы?

Стоит отдать должное, мои мотивы он сразу понял. Напечатанные органы – это проблема. Серьезная проблема, которую надо как можно быстрее решить.

– Как определить сколько он может стоить? – я опять машинально потянулся к затылку.

К этому моменту я уже сидел, подоткнув подушку к спинке койки.

– Сначала надо узнать модель, – задумчиво сказал Кристофф. Он вдруг оживился. – Подожди, где-то здесь должен быть портативный сканер. Мы его иногда берем на задания, чтобы определять трофеи.

Парень ринулся по палатке, что-то усиленно ища. Вернулся, неся в руках устройство отдаленно похожее на считыватель штрих-кодов, только более массивный, с маленьким экранчиком по центру.

– Поверни голову.

Я послушно подставил затылок. Луч лазера скользнул по черной татуировке. Раздался короткий писк. На дисплей высветилась информация.

– SUPRA-ТЕН, – прочитал вслух Кристофф и не скрываясь поморщился. – Дешевка, из самых ходовых, – сообщил он, увидев мое непонимающее лицо.

Понятно. Хотя чего еще ожидать. Мальчик едва наскреб на самый малый шагочод, ухнув в него все состояние. Трудно ожидать, что ему бы хватило на дорогой имплант.

– Сколько такой может стоить на черном рынке? – тем не менее уточнил я.

Кристофф опять посмотрел на экран считывателя.

– А он у тебя не активен. Смотри сам, – парень протянул мне прибор. Мало что понимая, тем не менее я заметил красную вязь мигающей надписи сразу под названием нейронного чипа. – Сгорел похоже. Иногда такое случается. Аварийная система при расстыковке с машиной получила повреждение и криво сработала. Предохранители спасли мозг пилота, но сам имплант получил перегрузку нейроцепей. Бывает.

Бывает. Потенциальный источник денег оказался сломан. Плохо.

– Сколько обычно функционируют напечатанные органы?

Вопрос заставил парня задуматься.

– Не знаю. Может месяца два? – пожал плечами он.

Два месяца большой срок. Тогда почему такая паника?

– Точно два месяца? – недоверчиво уточнил я.

Лицо Кристоффа неожиданно просветлело.

– А-а, тебе ведь из полевого комплекта ставили, там биомасса дешевая, – оживленно заявил придурок и жизнерадостно заключил: – Тогда не больше недели.

Черт, что-то подобное я и подозревал услышать. Дешевая замена, чтобы дотянуть до госпиталя и квалифицированной медпомощи, когда выносят с поля боя. Только потом идет полноценная замена, на которую у меня нет страховки.

В этот момент москитная сетка у входа шевельнулась, впуская в палатку нового человека.

Пока он неспешно шагал, я успел его внимательно изучить, как сделал это недавно с Кристоффом. Невысокий мужчина, за пятьдесят. Усталое лицо. Мрачный, морщинистый, с иссохшей потрескавшейся кожей, с редкими волосами. Опять недостаток витаминов? Или просто результат постоянной усталости и стресса. Выглядел гость изможденным.

Одет в комбинезон грязно-серого цвета, почти полная копия как у моего первого собеседника. На рукаве так же эмблема: то ли крылатый зверь, то ли чересчур зубастая птица.

– Док, – успел шепнуть Кристофф и отодвинулся назад.

Местный эскулап молча подошел к моей койке, ничего не спрашивая навел какой-то прибор похожий на плоский пенал в район живота, посмотрел на результат, задумчиво пошамкал губами и так ничего не сказав, нацепил на мое запястье тонкий браслет.

Похоже какой-то медицинский датчик, причем довольно примитивный, судя по всего двум индикаторам – продольным полоскам красного и зеленого цветов. Обе пока тусклые.

Шершавые пальцы доктора поколдовали над пеналом и браслет щелкнул. Полоски ожили, зеленая стала яркой, зато красная почти полностью поблекла, слившись с поверхностью.

– Загорится красный, у тебя будет двенадцать часов до полного отключения органов – сухо пояснил доктор, впервые открыв рот. Подумал, достал из кармана пластиковую баночку с таблетками и протянул мне. – Блокираторы инфекции. По две штуки, три раза в день, – помедлил, понял ли, молча развернулся и пошел к выходу.

Охреневший от лаконичности пояснений и вообще краткости самого посещения, я возмущенно бросил доктору в спину:

– Эй, а как же лечение?

Сухарь не ответил, дошел до конца палатки и лишь после этого обернулся.

– Это и есть лечение, – сухо прозвучало равнодушное пояснение.

Отбросил москитную сетку доктор вышел наружу. Мы вновь остались одни.

Хрена себе как здесь оказывают медицинскую помощь. Ему натурально плевать, доживу ли я до вечера или сдохну прямо сейчас.

– Он у нас добряк каких поискать, – с усмешкой сказал Кристофф. – Жадный к тому же. Без оплаты даже не шевельнется. Так что тебе еще повезло, что он зашел и принес таблетки.

Полупустая баночка таблеток. Если это считать везением, то любопытно будет посмотреть, что такое по здешним меркам невезение.

Кстати, таблеток и правда мало. Наверное, как раз на неделю, пока не загнусь. Бережливость доктора вызвала умиление. Добраться бы до этого Айболита и свернуть ему шею.

Я сжал пальцы, машинально отмечая, что до хорошей физической формы мне далеко. Тимофей не утруждал себя упражнениями, больше уделяя времени жалобам на судьбу.

Ненавижу таких ублюдков. Неужели ни разу не слышал выражение: каждый сам кузнец своего счастья и сам определяет свою судьбу. Вместо того чтобы ныть, лучше бы съездил домой, да прикончил ту расчетливую шлюху. Куда бы продуктивнее провел бы время, вместо того чтобы нажираться в этой дрянной пустыне.

– Черт, забыл его спросить насчет амнезии, – хмуро буркнул я, бросив взгляд в сторону москитной сетки, за которой исчез местный эскулап.

Кристофф тоже глянул в том направлении. С опаской. Боялся, что попрошу пойти и догнать мрачного доктора. Чего ему явно делать не хотелось. А хотелось ему остаться здесь и дальше болтать, просвещая забывшего все раненного, тем самым чувствуя себя значимым.

– Кстати, скоро будет казнь, давай посмотрим, – чересчур бодро предложил парень, явно пытаясь направить мои мысли в другое русло.

– Какая казнь? – не понял я, все еще размышляя насчет чертовых внутренних органов, которые вскоре могут отказать.

– Сейчас, – Кристофф подорвался к тумбочке, на которой как оказалось стоял монитор, закрытый от пыли защитной тканью.

Я молча слушал его суету, устало прикрыв веки. Казнь? Пусть будет казнь.

4.

Первым делом выпил таблетки, закинув в рот сразу две, следуя рекомендациям врача, проглотил не запивая. В моем случае, следовало серьезно следить за здоровьем.

Всегда относился к своему телу, как к инструменту. А инструменты, будь то пистолет, снайперская винтовка или собственный организм, всегда должны находиться в состоянии идеальной функциональности.

К сожалению, предыдущий обитатель за собой особо не следил. Если быть точным – вообще не следил. Рыхлое тело, дряблые мышцы. Медлительный. Мое старое тело мне нравилось больше. Жилистое, подтянутое, способное наносить молниеносные удары. Не накаченное, но тренированное. Никогда не гнался за внешней красотой рельефной мускулатуры, предпочитая эффективную функциональность.

Скорость и стремительность – вот что главное в моей сфере деятельности. Удар должен быть неожиданным, подобно выпад у ядовитой змеи. Перекаченные атлеты в таком деле не выживут, привлекая к себе внимания внешностью и медлительностью.

Я задумчиво сжал кулак и спустил ноги с койки, полностью перейдя в сидячее положение. Оказалось, лучше, чем я ожидал, голова не кружилась, слабость отступила на второй план, боль почти не чувствовалась. Если бы не воткнутые в вены трубочки, попытался бы встать.

Времени нет, чтобы полностью прийти в себя. Всего через семь дней я либо сдохну, либо выживу. Иного пути нет. Чтобы выжить нужны деньги на операцию по замене напечатанных органов. Где их можно достать?

Пока виделись три варианта: выбить старые долги Тимофея, правда непонятно, сколько там набежало, донор никогда не считался большим богачом, так что вряд ли успел раздать слишком много.

Второе – извлечь и продать нейрочип из башки. Тут тоже возникнут проблемы. Для начала необходимо провести диагностику и вообще понять, работает ли он и подходит ли для продажи.

И третий самый простой – дожидаться выплаты боевых, о которых вскользь упоминал Кристофф. За рейд на нефтебазу всем участникам положены выплаты. Включая Тимофея, пусть он и закончил свой бой очень быстро, едва не сгорев в шагоходе.

А еще остро нужна информация. Об окружающем мире, о местных реалиях, о том, что вокруг происходит. Если есть продвинутые технологии вроде боевых мехов, то должен быть какой-то аналог глобальной информационной сети. И в ней обязательно нужно будет тщательно покопаться.

Впрочем, это, наверное, можно оставить на потом. Проблема с искусственными потрохами выходит на передний план из-за срочности. Если не поторопиться, то можно склеить ласты, и тогда уже никакая информация будет не нужна.

– Сделал, – торжествующе заключил Кристофф, последние несколько минут возившийся с пыльным экраном.

По освобожденному от тряпок монитору пробежала рябь, картинка дрогнула и стабилизировалась.

Я без особого интереса взглянул на происходящее, параллельно думая о том, что чертов доктор так быстро ушел, что я забыл у него спросить сколько будет стоить полноценная операция по замене внутренних органов.

Все-таки стоит при случае удавить этого айболита где-нибудь в тихом углу. Конечно, после того, как он сделает мне операцию. Что за отношение к пациентам, в самом деле.

И что там с превратившимся в прах амулетом? Не эта ли штука стала причиной моего появления здесь? Род Мещерских давно ослабел, но в прошлом находясь в зените могущества предки вполне могли сотворить для потомков хитрые амулеты, вроде последнего шанса в посмертии. Но видно магическая игрушка сработала криво и вместо оживления, чертова штука перенесла сюда мою душу.

Магия... Никогда не думал, что когда-нибудь буду рассуждать о подобных вещах. По крайней мере, находясь в трезвом уме и ясной памяти. Это же бред какой-то. Но самое поразительно, похоже частью этого бреда являлся я сам, обладая способностью видеть ауру других людей.

– Когда «Гепарды» отхватили по полной от залетной команды с востока, Хантеры подумали, что настал их час и напали на опустевший лагерь, – начал разъяснение происходящего Кристофф.

Честно говоря, мне было плевать на разборки между местными наемными отрядами, пусть хоть все друг друга поубивают, у меня сейчас на горизонте маячили проблемы посерьезней, чем чья-то посторонняя смерть. Со своей бы разобраться и отсрочить. Но информация есть информация, лишней никогда не бывает. Поэтому слушал.

– Но гепарды не все сдохли, и это оказалось неприятным сюрпризом.

На экране показалась площадь, заполненная людьми, в центре небольшого городка, состоящего из глинобитных лачуг самого убогого вида.

Мда, лачуги убогие, зато над крышами возвышался робот. Огромный робот с пушкой и контейнером с пусковой установкой на шесть ракет. Охренеть.

Песчаные барханы виднелись чуть дальше, создавая дополнительный колорит. Но и без этого зрелище выглядело сюрреалистичным.

Мех был окрашен в пустынный камуфляж и судя по неспешным поворотам корпуса, был не просто декорацией, в нем сидел пилот, следя за окружающей обстановкой.

В центре площади стоял деревянный помост, больше всего похожий на эшафот. На нем емкость, напоминающая металлический бак, разрезанный ровно посередине. Позади выстроились люди, со связанными за спиной руками.

Я так увлекся изучением робота, что поначалу не обратил внимание на происходящее на помосте. А там дело шло к кульминации. Мужик в багрово-красном комбезе выступил вперед и начал уверенно говорить. Рядом с ним место занял еще один, одетый в балахон с вырезами для рук и ног, с маской на голове.

Хмм... Палач что ли? Похоже на то.

– Нарушив все статуты кодекса, эти мерзкие твари поставили себя выше остальных, решив, что могут творить что им вздумается, – яростно вещал обвинитель.

Приговоренные молчали, собственно, судя по избитым ромам, их хорошо отделили, прежде чем доставить сюда.

А дело оказалось самым зауряднейшим. Давние соперники воспользовались моментом и напали на лагерь другого наемного отряда. Вскрыли склад, забрали отрядную казну, перебили немногочисленную охрану, позабавились с любимыми наложницами командира-хозяина. В общем, развлеклись по полной программе.

Думали, что никто уже не вернется и не сможет ничего предъявить. Ошибка. Вернулись, предъявили. Но не стали сломя голову бросаться в атаку, увидев на месте лагеря пепелище. Лидер Гепардов поступил хитрее, обратившись к третьей стороне и добившись официального рассмотрения дела.

Арбитром выступил губернатор Вогер, заседающий в нейтральной зоне в городе-мегаполисе под названием Скайфолл.

Название на мой взгляд чистая издевка над аборигенами. Мол смотрите и цените, к вам упал кусок небес, земли обетованной, где проживают небожители – прямой намек на более развитое северное полушарие.

Город строили все державы вместе, как нейтральную площадку для переговоров. Правил там губернатор, назначаемый по очереди. Он и разбирал дело между двумя наемными отрядами.

Вогер выслушал обвинения, посмотрел записи и вынес вердикт, посчитав действия Хантеров нарушающими положения статута кодекса солдат удачи. И отозвал у них регистр. А без регистра дело труба. Без регистра в Спорных территориях ты ноль без палочки. Законная добыча для всех.

– И потому приговариваются к смерти, – наконец закончил обвинитель, перед этим в красках описав преступления провинившегося наемного отряда.

Схватили их быстро. Как только регистр исчез, за ними начали охоту все свободные наемники. Но не за ради правосудия, а за ради трофеев.

Забавный факт, все что нашли у Хантеров, принадлежало тем, кто до них первым добрался. Включая имущество пострадавших Гепардов. Даже наложниц командиру разгромленного отряда придется выкупать за свои. Если, конечно, он их вообще захочет возвращать, после того, как с ними позабавилась вся солдатня вражеского отряда.

– Приговор будет приведен в исполнение немедленно.

На экране проштрафившихся наемников по одному цепляли к подъемным устройствам, опуская друг за другом в металлическую емкость. Раздались дикие вопли. Оказалось, внутри плескалась кислота.

Беспредельщиков решили не просто казнить, а сделать это с выдумкой. Видимо, чтобы другим урок пошел впрок.

Чем больше длилась казнь и чем меньше становилась очередь из приговоренных, тем со все большим беспокойством Кристофф косился в мою сторону, глядя, с каким академическим интересом я наблюдаю за методами казни в здешних реалиях.

По его мнению, тихий и доброжелательный мальчик Тимофей должен сейчас отвернуться. Я же пялился на происходящее даже не морщась.

Ему не приходилось видеть забавы картеля Los Zetas, свидетелем чего мне однажды пришлось стать, иначе бы он не удивлялся моему спокойствию.

Утопили в кислоте, подумаешь. Вот если человека живьем свежуют, сдирая кожу по сантиметру ржавым тупым крестьянским серпом, и длится это не часами, а днями, и рядом всегда наготове врач, следящий, чтобы клиент раньше времени не умер – вот это я понимаю пытка. А здесь что? Поорали пару минут и тихо сдохли от болевого шока. Даже неинтересно.

Я решил не притворяться, прикидываясь старым Тимофеем. Пусть лучше сразу спишут изменение в поведении после тяжелого ранения, чем потом пытаться оправдываться чем-то другим. Побывав на краю смерти люди меняются, это и станет моим аргументом в кардинальной смене личности робкого юноши из далекой северной империи.

Когда все закончилось, я зевнул. Какая скука. Хотя надо признать, в чем-то такие развлечения бывают полезны. Позволяют держать себя в тонусе, чтобы однажды не очутиться на месте растворенных заживо в кислоте неудачников.

Додумать интересную мысль не успел, полог москитной сетки снова откинулся в сторону, в палатку зашли двое и сразу целеустремленным шагом направились в нашу сторону.

– Это Йохан и Марек, ты им больше всех деньги ссужал, – шепнул мне быстро Кристофф, поспешно отодвигаясь назад. Влезать в чужие разборки он не спешил.

Первым шел мордovorот с колоритной внешностью. Высокий, лысый, с недельной щетиной, на правой стороне лица по щеке змеилась татуировка, опускаясь от виска к шее – черная вязь непонятных символов, соединенных в цепочку причудливого рисунка. Левую сторону пересекал грубый шрам. Одет не в привычный комбез, как Кристофф или доктор, а в обычные широкие штаны с карманами на боку и оливковую футболку-безрукавку. Колоритный персонаж. И без всякого проблеска ума в глубоко посаженных злобных глазках.

Сходу оценив brutальную внешность, я мысленно прикинул дальнейшие действия. Такие личности привыкли, что их заранее все боялись, и действовали, отталкиваясь от этого факта.

Но все это ерунда. Главное воля. Если у тебя есть воля, ты сможешь противостоять любому, каким бы устрашающим он не выглядел. Воля и решимость действовать. И готовность проявлять жестокость. Без этого никуда.

– Наш друг проснулся, – как показалось дружески проревел лысый, распахивая руки в объятия.

В гробу я видал подобных друзей.

Когда они подошли ближе, идущий за бритым мордovorотом стал виден. В отличие от приятеля он оказался пожиже, хотя и одет почти так же.

– Вилкой в глаз или в жопу раз? – спросил я вместо приветствия.

Парочка опешила, не ожидая от обычно робкого паренька столь борзого наезда.

– А-а? – растеряно вытаращился лысый амбал.

– Хер-на, – не вставая с койки я пнул под колено опасно приблизившегося здоровяка насколько хватило сил.

Коленная чашечка мерзко хрустнула. Мой должник упал на колени. Не давая ему опомниться, я схватил примеченный ранее на тумбочке нож с закругленным острием и ткнул его в глаз орущего мордоворота. Он заверещал еще больше.

Понятия не имею, как здесь оказался побитый жизнью столовый прибор, но он пришелся весьма кстати. Получилось слегка неуклюже, но сыграл роль фактор неожиданности. Никто не ожидал такой жестокости от обычного мирного Тимофея.

Заполучив в глаз посторонний подарок, амбал крутанулся и дернулся, задев головой край тумбочки. Лоб рассекла глубокая ссадина, щедро брызнула кровь.

Дебила кусок, он же мне ботинки своей кровью испачкал. Я пнул его по жопе, придав ускорение на соседнюю койку.

Все то время, пока шло избиение, Кристофф сидел замерев, вытаращившись на меня как на восьмое чудо света. Если бы заговорила собака, он бы так не удивился, как обычно тихий Тимофей, вдруг превратившийся в кровожадного зверя.

Видно трансформация оказалась слишком шокирующей, второй не стал ждать и бросился к выходу.

– А ты куда? – полетело ему вслед с моей стороны. Вместо ответа он что-то неразборчиво всхлипнул и резво прибавил скорости.

Дерьмо и где мне теперь его искать? Куда мне с таким набором трубочек в теле за ним гоняться?

– Он тоже должен мне денег? – спросил я у Кристоффа, кивнув в спину сбежавшего труса.

– А? – парень потряс головой, словно не веря, что видит все это своими глазами. Опомнился и усиленно закивал. – Да-да, тоже должен.

Еще раз дерьмо. Бегай теперь за ним. Ладно, с ним разберусь позднее.

Выслушав ответ, я перевел внимательный взгляд на стоящего на коленях амбала. Тот продолжал завывать, боясь лишний раз тронуть торчащий из глазницы столовый нож.

Встряхнув руками, разминая пальцы, я наклонился к его уцелевшему глазу.

– Кажется ты мне должен денег?

Мой рот раздвинулся в многообещающей улыбке. Раненный тоненько завыл, предчувствуя неприятности. На брюках в районе паха появилось мокрое пятно. Запахло мочой.

Тыфу ты, обоссался. А понтов то было. И как прикажете с таким контингентом работать? Ладно, еще разберемся.

5.

Я никогда не любил мучить людей. пытки, истязания – это не про меня. Убить быстро и безболезненно – вот мое кредо. Но иногда приходилось пересиливать себя и заниматься неприятной работой.

– Здесь есть где-нибудь ложка? – я обратился к Кристоффу.

Парень удивился.

– Наверное. А зачем тебе?

– Ложкой очень удобно выковыривать глаза, – спокойно сказал я и деловито огляделся. – Так что, найдется подходящий инструмент?

При этих словах продолжавший полулежать на полу бритый амбал дернулся и сразу же мучительно зашипел. Он старался не двигаться, опасаясь трогать торчащий из глазницы нож и особо не опираясь на поврежденное колено.

– Где мои деньги, обезьяна? – хмуро спросил я. – Не заставляй меня идти на крайние меры. Если понадобится, я тебя на куски порежу.

Я неспешно протянул руку вперед, показывая, что собираюсь взяться за ручку торчащего из глазницы ножа. Мордоворот испуганно дернулся назад и опять напоролся на острый край тумбочки. Неуклюжий кретин, так он мне все ботинки заляпает кровью.

Мое лицо оставалось бесстрастным. И это пугало больше всего. И Кристоффа, смотревшего с испуганным изумлением, и раненного здоровяка, пялившегося с нескрываемым ужасом.

– Не дергайся, или и вторую гляделку выдавлю, – мрачно пообещал я.

Понятия не имею как у них обстоят дела с трансплантацией глазных яблок, но учитывая, что мне прямо в полевых условиях напечатали искусственные органы на био-принтере, думаю заменить поврежденную часть не составит большого труда. При наличии достаточного количества денег, разумеется.

Но несмотря на все чудеса медицины стать слепым боится каждый, легко забывая о всех достижениях биотехнологий. Это заложено с первобытных времен, когда мы еще лазили по деревьям. В те времена лишиться зрения автоматически означало смертный приговор.

Вот брутальный качок и пересрался. Хотя уверен, дай ему время, он бы сообразил, что может выскочить из палатки и добежать до медблока, где ему окажут медицинскую помощь. И через час уже будет как новенький.

– Так где моя ложка? – громко спросил я и наклонившись вперед зловеще продекламировал прямо в лицо амбалу: – Раз гляделка, два гляделка, что же выберет перделка, а потом туда нассут и получится прямо суп.

Увидев охреневшее выражение на лице мордоворота я заржал. Понятия не имею что я там нес, но выглядело совершенно по сумасшедший. Со стороны я сейчас походил на психа, способного убить не задумываясь. Что и требовалось. Дай время этим упырям хорошенько подумать и они поймут, что имеют дело с зеленым молокососом, только что прошедшим через сложную операцию.

Кстати об этом, пора избавляться от трубочек, слишком они стесняют движения. Хрен с ней болью, потерпим.

Я выдернул трубки из вен, задумчиво осмотрел красную каплю крови на кончике иглы и резко воткнул ее в щеку амбала. Тот вскрикнул от неожиданности.

– Где мои деньги, сука?! – уже не сдерживаясь прорычал я. Играть в хладнокровного палача надоело. Что-то этот татуированный индюк слабо реагирует на мои почти миролюбивые призывы.

Я твердо намеревался выбить все что мне причиталось, даже если для этого придется настрого в мелкое крошево всех должников Тимофея, тихого мальчика, сдуру раздавшего свои невеликие накопления. Не потому что я выступал за некую абстрактную справедливость, где каждый должен отдавать свои долги, а потому что от этого зависела моя жизнь.

Семь дней, мне оставалось всего семь дней. А это очень мало, с учетом того, что я пока ни хрена не знал об окружающем мире.

Так что, надо пытаться? Будем пытаться. Пусть мне это и не особо нравится. Потому как даже самую неприятную работу необходимо делать. И если уж на то пошло, я ведь не грабил, не забирал чужое, а возвращал свое.

Я вытащил иглу с ворохом трубочек (странный конструктор, похоже препараты подавались по разным трубкам, но вводились через одну иглу) и воткнул ее в другое место на щеке амбала. На этот раз тот тихо заскулил. Он все еще не верил, что это происходило на самом деле. Что простодушный дурачок вдруг превратился в жестокого истязателя. Лысый до ужаса хотел вскочить и убежать, но мешало сломанное колено. А еще – он боялся, что я его догоню и сделаю с ним что-нибудь еще более жуткое.

Все это легко читалось на перепуганной физиономии. Но особенный шок вызывала внезапная трансформация слюнявого сопляка в машину для пыток.

– Так и будешь молчать? Я в принципе не против, только давай вытащим нож и воткнем его в другое место. Как насчет уха? – я снова сделал вид, что тянусь в торчащему из глазницы столовому прибору. Плохо заточенному, и с закругленным концом, а значит от глаза уже почти ничего не осталось, только мордорот этого пока что еще просто не понимал.

– Его зовут Йохан, – зачем-то подсказал Кристофф.

Я отмахнулся.

– Да какая разница, – но затем задумался, вспомнив о втором сбежавшем засранце, и уточнил: – А второго значит зовут Марек?

Парень кивнул. Я мысленно повторил про себя имена стараясь запомнить. Как мне потом его искать? Спрашивать не видели ли бы где-нибудь здесь трусливого утырка, бросившего приятеля, стоило увидеть у того ножик в глазу?

– Пусть будет Марек, – я пнул по искалеченному колену амбала. – А ты у нас Йохан. И вы два придурка задолжали мне денег.

Я надавил чуть сильнее, пока лысый не взвыл. Какого черта он молчит? Может он из извращенцев, что любят садомазо? Тогда у меня серьезные проблемы, с такими ублюдками в плане попыток всегда затруднительно иметь дело, хуже того, они часто не знаю краев и даже подыхая, могут счастливо улыбаться.

Проклятье.

Собой я тоже остался недоволен, тело слушалось отвратительно, координация ни к черту, мышцы плохо разработаны. Простейшая связка ударов потребовала приложение слишком многих сил. Про скорость и говорить нечего, в два, а то и три раза от привычных значений. Я напоминал себе плохо подвешенную марионетку, неуклюже дергающуюся на веревочках, получившую свободу, но не знавшую, что с ней делать.

Не хватало привычной силы, скорости и выносливости. Проклятый донор не утруждал себя поддержанием хорошей физической формы и теперь мне приходилось за это расплачиваться.

Следовало как можно скорее превратить рыхлый кусок мяса с дряблыми мышцами, в жилистую подтянутую фигуру, стремительную и безотказную машину для убийства. Короче вернуть себя прежнего.

– Ты меня утомил, – со вздохом сказал я. – Сам напросился...

И в этот момент Йохан сломался, трудно сказать что он услышал за устало сказанными словами, но похожие на сосиски пальцы торопливо нырнули в карман, откуда на свет появился продолговатый черный предмет, напоминающий компактную флешку.

Это еще что за хрень? Брать незнакомый предмет я в руки не торопился. Поняв мои затруднения Кристофф уже привычно подсказал:

– Это чип-кэш. Денежный чип для хранения электронных денег.

Черная матовая поверхность не имела отверстий и кнопок.

– Проведи пальцем вдоль грани, – снова донеслось от Кристоффа.

Я сделал как он советовал и увидел, как на темном пластике проявились цифры – 320. К счастью написанные обычным арабским манером, а не каким-нибудь смешанным римско-индуско-китайским способом. Хотя с этим здесь полный порядок.

– Триста двадцать, – задумчиво прочитал я. Стоило подушечке пальца оторваться от края чипа, как светящиеся цифры исчезли.

Кажется понимаю, физический метод хранения электронных денег. Напоминало холодные кошельки с криптовалютой. Со мной однажды расплачивались за выполненный контракт таким способом. Не скажу, что особо понравилось. Слишком уж чертов курс у этих штук непредсказуемый. Не успеешь обменять на привычные деньги, как цена упадет и получишь меньше, чем рассчитывал. В этом плане я предпочитал более твердую валюту. Зато в плане ано-

нимности проводимых расчетов – красота. Отследить подобные переводы практически невозможно. Что в моей работе особо ценилось.

– А сколько он мне был должен? Ты не в курсе? – я обратился к Кристоффу.

Черт его знает, триста двадцать это много или мало в здешних реалиях. И сколько вообще успел раздать денег слабовольный Тимофей.

– Около пяти тысяч, – Кристофф ответил со смешком.

Я прищурился, внимательно его оглядев. Ну да, так и подумал, паренек похоже под кайфом. Успел незаметно закинуться, пока длилось веселье. Теперь понятна откуда его разговорчивость. Я еще удивлялся, чего это он не боится мне помогать, не страшась мести от униженного Йохана. А он просто под наркотой. В таком состоянии на все наплевать, в том числе на себя, лишь бы действие препарата не прекращалось.

– Пять тысяч, – медленно проговорил я и перевел задумчивый взгляд на амбала. – Ты меня обмануть захотел?

На лбу мордворота выступила испарина.

– У меня больше нет, – торопливо зачастил он. – Но я найду, я обязательно найду.

– Конечно найдешь, – ласково сказал я. – И к вечеру принесешь. Всю сумму. Плюс две тысячи в качестве процентов за беспокойство.

Йохан дернулся, но промолчал.

– Иначе я тебе вторую гляделку выдавлю. Для начала. Потом отрежу уши, вырежу язык. Отрублю руки и ноги. Сделаю из тебя обрубков, который потом спущу в выгребную яму. Ты будешь барахтаться в вонючей коричневой жиже и твоими последними мыслями будет: ну почему я не нашел этих чертовых денег, – все это я проговорил доброжелательным тоном глядя прямо в уцелевший глаз амбала. И это проняло большего всего. Я не угрожал, я обещал это с ним сделать, и он поверил.

– Все вставай, пойдем к доктору. Мне надо с ним поговорить, заодно вернешь мне мой ножик. Не все же его тебе таскать в своей глазнице.

Я начал подниматься, одновременно заставляя тычком Йохана тоже встать на ноги. В этот момент москитная сетка в очередной раз шевельнулась и в палатку зашел новый гость – худой азиат в уже знакомом свинцово-сером комбезе с короткой прической.

– Офицер Чанг, – подсказал расторопный Кристофф и хихикнул: – Косоглазая обезьяна, – помедлил и более уважительно добавил: – Хотя драться умеет.

На этом месте глаза парня вдруг закатились, и он рухнул без сознания спиной на койку. Долгожданный приход все же достал наркомана.

– Что здесь происходит, боец? – вошедший в палатку офицер смотрел на Йохана.

Но вместо него ответил я.

– Несчастный случай на бытовой почве, сэр. Боец поскользнулся и случайно упал на нож, при этом вывихнул себе колено. Веду пострадавшего в медблок.

Прозвучало полным бредом. И разумеется мне ни хрена не поверили. Это был битый жизнью, прошедший через огонь и воду, крутой вояка. Для него слово кого-то молокососа не значило ничего. Для него Тимофей Мещерский был всего лишь куском мяса, по случайности умудрившемся выжить в последнем бою.

Но ведь я был не Тимофеем, не зеленым салагой. Я был я. Тот кто на стезе наемных убийств добился немалых успехов. У меня за спиной выстроилась череда трупов размером с небольшое кладбище.

И, кажется, именно это кладбище офицер-азиат в моих глазах разглядел, потому как внезапно замолк и нахмурился. Он не понимал происходящего, на интуитивном уровне чувствуя подвох.

Как за несколько часов человек мог так кардинально измениться, превратившись из боязливого мальчика в хищника, способного спокойно смотреть в глаза вышестоящему офицеру, не отводя взгляд.

Он видел мою готовность если придется переступить через его труп и пройти к выходу. Видел, и не понимал как такое возможно. Еще вчера Тимофей не осмелился бы ни на что подобное, а уже сегодня вел себя столь вызывающе.

Дикое желание жить? Инстинкт самосохранения считался сильнейшим из инстинктов. Возможно серьезное ранение повлияло на разум сопляка и он пошел во все тяжкие, считая что ему уже нечего терять.

Так подумал Чанг, и я не стал его разубеждать.

Нутром почуяв что у умирающего мальчишки лучше не вставать на пути, азиат плавно шагнул в сторону. Он видел, что для меня он всего лишь еще одно препятствие в череде многих, через которые я не задумываясь перешагну и решил не играть с судьбой в игры.

Похвальное решение, потому что я не шутил. Надо будет убить десяток – убью десяток. Сотню – прикончу сотню. Тем более что здесь собрались далеко не агнцы божьи, а куча отребья, способного пролить кровь невинного человека за пару монет.

Проходя мимо я спросил:

– Не напомниме, где медблок?

– Прямо через три палатки, затем налево, – подчеркнуто уважительно ответил офицер, с любопытством покосившись на торчащий из глаза Йохана столовой нож. Он только сейчас его увидел, когда мордоворот со стоном поднялся.

– Спасибо, – вежливо поблагодарил я и тут же жестко ткнул в спину поскуливающему от боли мордовороту. – Пшел!

Когда подходили к выходу из палатки, я прошептал ему на ухо:

– И не забудь рассказать доку, что нож в глазу – результат несчастного случая, иначе в следующий раз, я воткну его тебе так глубоко в задницу, что он выйдет у тебя через рот. Понял меня?

Полностью сломленный неожиданной жестокостью вчерашнего робкого сопляка, Йохан кивнул. Сейчас он мечтал добраться до медчасти и получить медицинскую помощь. Хруст колена и продолжавшая течь кровь не прибавляли особого желания рыпаться.

Хотя уверен, успокоившись и придя в себя, говнюк еще попытается отомстить. Опасаясь, как бы такое желание не возникло раньше времени, я снова наклонился к нему и яростно прошептал.

– Только дернись тварь, я тебе горло перегрызу. Мне терять нечего, я и так почти труп, так что, если что тебя заберу с собой первым.

И столько убежденности прозвучало в моих словах, что испарились остатки сопротивления. Бритый принял свою судьбу и покорно зашагал к выходу.

6.

За москитной сеткой последовал короткий тамбур, защищающий от ветра и пыли. Откинув основной полог, я оказался на улице. В лицо дохнуло жарой, обжигающе горячий воздух обступил со всех сторон, заставив чуть пошатнуться.

Черт, ну и духотища. В высоко в небе висел раскаленный шар местного солнца. Небосвод без единого облачка, насыщенно голубой и настолько бесконечно глубокий, что казалось туда можно рухнуть.

– Веди, – я подтолкнул раненного Йохана в спину.

Здоровяк со столовым ножом в глазу послушно засеменил по дорожке между палатками, полностью идентичными той, из которой мы только что вышли.

Это был лагерь. Военного или полувоенного типа. Судя по климату – располагался где-то в пустыне. Духота и раскаленный воздух указывали на данный факт стопроцентно. Приходилось бывать в похожих краях.

Некоторые палатки наполовину скрывали маскировочные сети песочного цвета. Но в основном обходились без них. Еще один признак не слишком хорошей дисциплины. Будь по-другому, все постройки скрывались бы одинаково, камуфлируя местоположение лагеря от визуального наблюдения.

Пока шли, я оглядывался, пытаюсь составить хотя бы примерное представление куда меня занесло. Когда оказались на небольшом пятачке открытого пространства, сделать это стало гораздо легче, я даже придержал Йохана, чтобы хорошо осмотреться.

Итак лагерь, или что скорее всего – полевая база. Окружает сетчатый забор, по углам стоят вышки, наверху нечто похожее на спарки автоматических пушек. Из тех скоростных, что выпускают по несколько тысяч снарядов в минуту. Убойная хрень перед которой даже в броне лучше не появляться.

Любопытный факт, за порядком особо не следят, но к обороне относятся серьезно, если расставили таких монстров. Стоит запомнить.

Слева должно быть кухня, слишком запахи оттуда идут характерные. За ней нечто напоминающее спортивную площадку под открытым небом – правильно поддерживать хорошую физическую форму для наемников надо. Еще какие-то здания непонятного назначения. Причем именно здания, возведенные из легких на вид металлоконструкций, покрашенных во все тот же песочный камуфляж.

Должно быть хозяйственные постройки технического назначения: оружейные, склады, энергоподстанции, ремонтные мастерские.

Чуть в стороне несколько тентов, под ними пластиковые столики и стулья. Видимо местный аналог бара.

Площадка для техники виднелась самым краешком. В основном машины оказались незнакомыми. Лишь привычные багги почти не отличались от земных. Легкие, с высокой проходимостью, удобные машинки для дальних патрулей.

Видел однажды такие в Ливане. Мне предложили работу, уладить вопрос с одним из вождей, не желавшим делиться черным золотом, спрятанным под песками, считающимся собственностью местного племени. Скважины охраняли ребята из ЧВК, и они обожали похожие колесные аппараты. И пулемет можно закрепить, и небольшой груз при необходимости перевезти. Главное устройство настолько простое, что с ремонтом справится любой, хоть что-нибудь понимающий в технике.

– Человеческая мысль везде приходит к одинаковому решению, – пробормотал я, оглядев знакомые очертания багги, и перевел взгляд на нечто похожее на радарную станцию.

А может не станцию, хрен знает что это такое, но наверху крутился плоский направляющий диск. Какой-то локатор? Непонятно. Мысль об одинаковости человеческих мыслей уже не казалась столь верной, как секунду назад.

– Твою мать, – я ругнулся под нос, повернул голову и почти сразу наткнулся глазами на робота.

Шагоход, как здесь их называют, застыл металлической громадой на краю лагеря у самого входа.

Когда смотришь на экране, это одно, мало ли какие спецэффекты научились придумывать. Когда видишь наяву, уже совершенно другое.

Чертов робот стоял передо мной, и это была явно не бутафория. Облезлая краска, следы попаданий на плитах брони, изношенный корпус, общий обшарпанный вид – все просто кричало, что это настоящая боевая машина, неоднократно побывавшая под огнем.

Я моргнул впервые осознавая, что действительно перенесся в другой мир и осознание этого факта ударило под дых не хуже крепкого хука справа.

Бред, чертов бред... Может я валяюсь на больничной койке и ловлю приходы от обезболивających?

Нет, укрыться за незнанием не получится. Надо играть с теми картами, что дают. А значит стоит принять факт переноса, каким бы безумием это не выглядело, и уже от этого танцевать.

Проклятье.

– Вперед, – я подтолкнул Йохана в спину. Раненный все это время послушно простоял под раскаленным солнцем, не смея напоминать о своем состоянии.

Здорово я нагнал на него жути. Стоит и не дергается, а мог бы начать ныть, прося быстрее отвести в медсанчасть.

Кстати, где она здесь. Как там офицер-азиат сказал: прямо три палатки вперед, затем налево. Ладно, двинулись. Мы направились по дорожке, и почти сразу навстречу шагнул незнакомый солдат. Пошатывающая походка и расфокусированный взгляд говорили о «веселом» состоянии бравого пса войны. Под психотропными веществами или алкоголем, с первого взгляда не понять, но то что под кайфом – однозначно.

Интересные у них здесь порядки. Солдаты ширяются и бухают, а офицерам на это насрать. Чанг нисколько не удивился, когда Кристофф свалился без памяти на кровать. Этот в открытую шляется по расположению лагеря, даже не пытаясь изображать из себя трезвого.

Солдат на секунду сфокусировал на нас взгляд и вдруг резко отдал знак приветствия, чтобы в следующую секунду забыть о нашем существовании и направиться вихляющей походкой в другую сторону.

На секунду мне показалось, что он вскинул руку в жесте Зиг Хайль. Но потом понял, что это немного не так. Он не поднимал руку вверх. Правая рука шла к левому стороне груди в район сердца, и лишь потом выстрелила под прямым углом четко вперед, параллельно земле.

Что-то знакомое, кажется, так отдавали честь римские легионеры. Видимо тут не было бесноватого австрийского художника, и римские приветствия, перенятые им от коллеги диктатор-итальянца, грезившего о славе римских легионов древности, не испохабили себя фашизмом. И свастика скорее всего лишь символ защиты и круговорота солнца, а не знак человеконенавистнической религии нацизма.

Впрочем, какая к черту разница? У меня другие проблемы, не до сравнений исторических параллелей. Хотя, конечно, изучать их придется. Но позже.

Медблок обнаружился на том самом месте, где указывал Чанг. Причем именно медблок, а не тканевая палатка. Уже знакомая постройка из легких металлоконструкций песочного цвета с нарисованным белым кругом и красным крестом внутри.

– Хотя это не отличается, – пробормотал я, скользнув взглядом на повсеместно принятой эмблеме медицинских учреждений.

Йохан рванулся к желанной двери с нарисованным знаком, пришлось его притормозить и негромко напомнить.

– Запомни, падаль, ты зашел в палатку, поскользнулся, упал и напоролся на неосторожно оброненный кем-то нож, понял? – я прошипел ему это прямо в ухо, мертвой хваткой вцепившись в плечо.

Амбал испуганно скосил оставшийся целый глаз на мою перекошенную физиономию и усилено закивал. Жара плюс общая слабость начинали бесить меня, вызывая внутри волны злобы, хотелось кому-нибудь сделать больно, чтобы не только мне одному страдать – и он остро это почувствовал, понимая, что бегать и искать кого-то по лагерю я не буду, и начну сразу с него.

– Я-я-я все сделаю, – заикаясь быстро проговорил лысый и как-то сразу обмяк.

В голове у него творился сумбур. До него никак не могло дойти, что происходит, какого черта вчерашний кроткий и застенчивый мальчик в одночасье превратился в злобное чудовище, с легкостью причиняющее другим боль.

– Будешь дергаться или попытаешься что-нибудь выкинуть – подышать будешь долго и крайне мучительно, – напоследок пообещал я и хлопнув по плечу, резко подтолкнул сломленного мордоворота к металлической двери.

Мы вошли, как и в палатке попав в небольшой тамбур. Вторая раздвижная дверь, ведущая внутрь оказалась заперта.

– В чем дело? – я оглянулся, опасаясь увидеть, как дверь на улицу захлопывается, запирая нас в небольшом помещении. Пустить внутрь газ и можно будет брать голыми руками.

– Сейчас, – Йохан суетливо облизал пересохшие губы. Пальцы-сардельки ткнулись в небольшую панель справа. Где-то далеко прозвучал сигнал вызова.

Понятно, мог и раньше догадаться, зайти можно только после того как доктор даст добро. В санчасти полно лекарств, с многих можно забалдеть, и понимая это, рядовых наемников сюда так просто не пускали, иначе торчки разворуют все запасы медикаментов.

Не лишено логики, я бы тоже местным воякам не доверял, если судить по Кристоффу и встретившемуся на дороге солдату. Закидываться всякой дрянью здесь любят и делают это часто и с удовольствием.

Наверное, и воюют также, под веществами. Неудивительно, что у данного отряда весьма скромные успехи в деле наемных контрактов, иначе лагерь выглядел более презентабельно.

Впрочем, мне на это плевать. Пусть хоть все здесь упарываются, главное сейчас решить вопрос с чертовыми органами.

– Открывай, медведь пришел! – рявкнул я, взбешенный что дверь все еще оставалась закрытой.

Йохан удивленно покосился на меня, должно быть решив, что я окончательно спятил. Я же в свою очередь отметил, что произнес фразу машинально используя слова из разных языков, умудрившись выстроить вполне органичную фразу. Причем сделал это так легко и естественно, словно всегда говорил на этой несуразной мешанине наречий.

Забавный выверт сознания, даже не пришлось напрягаться, все получилось само. Делаю успехи, с чудовищной скоростью адаптируюсь к местным реалиям и вливаясь в местное общество. А куда деваться? Когда над тобой завис меч, хочешь не хочешь начнешь торопиться. Если, конечно, ты не безвольный слабак, склонный к суицидальным наклонностям.

– Чего надо? – недовольный голос раздался из динамика откуда-то с потолка.

Миниатюрная камера в углу чуть шевельнулась. Доктор все это время наблюдал за посетителями. Йохан послушно повернул лицо вверх, чтобы торчащий нож было хорошо видно.

Последовала небольшая пауза, затем замок щелкнул. Дверь плавно отъехала в сторону, пропуская нас внутрь. Амбал сразу зашагал быстро и уверенно, явно зная дорогу, я же чуть тормознул, потому что внезапно наткнулся на висящее на стене квадратное зеркало.

Я еще не видел своего лица, поэтому прикипел к зеркальной поверхности. Через несколько секунд тщательного изучения устало выдохнул. Меня и правда занесло в тело едва достигшего совершеннолетия юноши.

Что сказать, могло оказаться гораздо хуже. Правильные черты лица, чересчур правильные на мой взгляд, словно четко выверенные. Интересный типаж, хотя к сожалению подобная «правильность» как правило бросалась в глаза. Я бы предпочел более неброскую внешность.

Короткая стрижка, кожа мягкая, нежная, еще не пропеченная под местным жарким светом. Но вроде нормальная. Симпатичный, но в меру, не урод, уже повезло.

Я всегда относился к собственной внешности как к еще одному инструменту. Проскользнуть через границу, таможню, меняя личину, как перчатки – это в моем вкусе.

Сегодня играть роль жизнерадостного блондина, выходца из солнечной Калифорнии – «Да, сэр, у нас отличный серфинг», а завтра превратиться в хмурого делового брюнета с Лондонской биржи – «Несомненно котировки достаточно опустились, советую входить в рынок сейчас» – вот это по мне. Игра и притворство, что приближает тебя к назначенной цели.

Но самое лучше – усредненность. Невыразительные черты, без четко запоминающихся деталей, чтобы чужой взгляд не смог ни за что зацепиться. Превратиться в одного из тех, кто легко растворяется в толпе.

Или, наоборот, выделить какую-нибудь примету особо, чтобы скрыть остальные детали внешности. Выглядывающий из-за края ворота рубашки кончик татуировки – и человек ни за что не вспомнит цвет ваших глаз или форму подбородка. Запомнит только татуировку, о которой машинально задумается, гадая, что из себя представляет в целом рисунок. Простой и легкий прием, но весьма эффективный.

Тут такое уже не сработает. У пацана слишком выразительное лицо. Аристократичная порода прямо прет на глаза. Видимо и правда относился к древнему роду, где поколение за поколением через селекцию улучшали генетику путем тщательно отбора партнеров для брака.

– Ну что там у вас случилось? – доктор ждал нас в окружении белого цвета. Просторная комната была заставлена оборудованием, самое большое место занимали пять капсул с крышкой из прозрачного пластика.

Автодок? Киберхирург? Что там говорил на это счет Кристофф?

– Бытовой несчастный случай, – быстро проговорил я, не давая Йохану раскрыть рот. Угрозы угрозами, но вдруг здоровяк так обрадуется от близости медицинских приборов, что ляпнет правду о стычке. Порядки здесь может и аховые, но за драки в подобных коллективах, как наемные отряды, обычно наказывали. Или хотя бы делали вид. А мне сейчас даже формальное наказание никуда не уперлось.

– Его на починку, – я толкнул Йохана в спину. – А мне что-нибудь укрепляющее. И ответить на пару вопросов.

Уверенный и напористый тон с моей стороны вызвал у доктора удивление. Проклятая репутация тихого мальчика Тимофея Мещерского преследовала меня с самого пробуждения. Голову что ли кому-нибудь оторвать. Чтоб в мясо и кровь. И чтоб потом никто не пялился на меня, как на восьмое чудо света.

Помедлив и оглядев нас внимательным взглядом, доктор неспешно кивнул и сказал:

– Ну проходите.

7.

Все то время пока Йохана укладывали в капсулу к киберхирургу, он опасливо косился на меня, словно ожидая какой-нибудь пакости. Я же удивлялся крепости мужика. У него из глазницы нож торчит, а он не вопит от боли, ведя себя почти что нормально. Что это, высокий болевой порог? Результат сильного шока?

– Мозг не задет, лезвие застряло в лицевой кости, глазное яблоко не подлежит восстановлению, требуется замена, – прокомментировал док результаты обследования.

Когда лысый амбал лег, вдоль его тела проскользнул луч сканера, изучая организм. Через секунду основное внимание умное оборудование сосредоточило на поврежденном участке, создав трехмерную модель головы.

Красиво. И очень доступно, даже далекий от медицины человек может понять, как сильно предмет вошел в тело, где навредил и что осталось целым.

– Может стоило его сначала вытащить? – деловито спросил я, кивком указав на нож в глазнице.

Йохан дернулся, я обидно заржал, док вытаращился на меня с изумлением, слишком поведение Тимофея отличалось от прежнего. Домашний и робкий мальчик, склонный к компромиссам, превратился в злобного и циничного зверя, легко идущего на жестокость.

– Чего вылупился? Ты мне еще семь штук должен, не забыл? – я с ненавистью уставился вглубь капсулы.

Бритый вздрогнул и отвел взгляд. Пока шло сканирование он продолжал слышать происходящее снаружи и находился в сознании. Наверное, чтобы пациент имел возможность обсудить варианты лечения с доктором.

Меня бесило отсутствие контроля и невозможность повлиять на события. Бесил слабый Тимофей Мещерский, бесили местные правила с медицинской помощью, бесила сама ситуация с дурацким попаданием в другой мир. Это конечно лучше, чем сдохнуть, сгорев заживо на том перекрестке, но место переноса могло оказаться лучше.

– Сколько стоит полная замена всех напечатанных органов? – спросил я, глядя в пустоту. Док похоже ожидал подобного вопроса, потому что ответил без промедления:

– Двести тысяч.

Я скрипнул зубами, сумма на данный момент выглядела неподъемной.

– А подешевле варианта нет?

Доктор пожал плечами.

– Только напечатанные копии чуть улучшенного качества, они дадут больше времени, но потом все равно откажут.

– Через сколько откажут? – уточнил я, задумавшись. В принципе мне сейчас надо выиграть время, освоиться, потом можно разобраться со здоровьем, найти деньги.

– Около полугода. Может чуть больше, при ежедневном приеме специальных препаратов.

Полгода лучше, чем одна неделя, а шесть месяцев не семь дней.

– И сколько будет стоить такая замена?

– Двадцать тысяч, – доктор подошел к интерактивной панели капсулы и начал что-то нажимать, говорил он не поворачивая головы, полностью сосредоточившись на экране. – Но имей ввиду, дубликаты на основе твоей собственной ДНК все равно рано или поздно ставить придется. Эти подделки из биопринтера не заменят клонированные образцы, выращенные в биореакторе. Это будет всего лишь некачественный суррогат.

Я качнулся с пятки на носок и обратно, окинул рассеянным взглядом приборы в медблоке. Предназначение многих осталось для меня неизвестным, хотя успел за свою жизнь многое повидать.

Суррогат... мда, суррогаты нам не нужны. Суррогат – значит подделка, фальшивка, лишь похожая на оригинал. Дерьмо, проще говоря, которое впаривают, когда нет иного выбора.

– Слышь, док, а если эту тушу разобрать на запчасти? – я не стесняясь пнул по капсуле, где лежал наш общий приятель.

На этот раз Йохан не стал дергаться, просто вытаращился на меня с изумлением. Но вот когда док окинул его задумчивым взглядом, амбал мелко затрясся.

Помедлив, и явно насладившись моментом, доктор с сожалением покачал головой:

– Не получится. Извлечь органы из тела можно, но все операции остаются в памяти машины. Несанкционированные процедуры автоматически запустят протокол дистанционного медицинского освидетельствования для оценки необходимости проводимой операции.

Я хмыкнул. В принципе верно, что все операции фиксируются, мало ли что придет в голову местному эскулапу из медблока. Может просто спятить, а может захотеть заработать лишних денег, пуская раненных под нож. А тут хоть какая-то защита, что после боя тебя не порежут на органы. Даже прожженным наемникам нужна гарантия, что их не разберут на «запчасти» для продажи на черном рынке.

Плюс ЧВК присматривает за своим имуществом, не делая послаблений для кого-то вроде меня без полной медицинской страховки. Судя по всему таким агрегатам требуются расходники, картриджи, препараты, лекарства, биоматериалы и другие ресурсы. А они вряд ли стоят дешево.

Доктор может пожалеть и пришить кому-нибудь руку, а платить за это компании. Которая, как и любая другая коммерческая структура не любит незапланированных расходов, тем более таких, которые потом вряд ли сможет возместить.

– Вижу ты понял, что к чему, – док нажал последнюю кнопку и киберхирург начал работу.

Под прозрачной пластиковой крышкой замелькали тонкие щупальца и манипуляторы. Из боковой стенки выехал шприц, вонзился в шею Йохана, вводя его в состояние наркоза. Лицо бритого бугая мгновенно обмякло, он быстро и ровно задышал.

Шустро работает техника. Раз и вырубился, дальше дело за суставчатыми лапками, уже принявшимися за дело.

Показательный момент – сам доктор ничего не делает, только контролирует процесс глядя в дисплей, все остальное выполняет заложенные программы лечения. Крутая технология, такой у нас точно нет. Что еще раз подтверждает, что это совершенно чужой мир.

– Этого утырка значит лечат, а мне дешевую имитацию в брюхо, – хмуро обронил я, глядя как ловко и быстро тонкие манипуляторы извлекают нож из поврежденной глазницы. Лысый амбал к этому моменту был в полной отключке и уже ничего не чувствовал.

– У него полная страховка, – равнодушно пожал плечами док.

– И что, ему заменят глаз на новый?

– Уже выращивается замена, – старикан кивнул в сторону металлического бака, стоящего у изголовья капсулы. – Это биореактор, в зависимости от сложности и объема может производить до двух кубических единиц биологических объектов в сутки.

– Что и руки и ноги? – не поверил я.

Док коротко кивнул.

Проклятье, вот это уровень. Такую бы технологию к нам, можно было бы обогатиться.

Хотя, что толку мечтать, что-то подсказывало, что вернуться обратно уже не выйдет. И куда возвращаться, если уж на то пошло, мое старое тело благополучно сгорело дотла в той идиотской аварии.

– Кстати, док, когда я проснулся, я ничего не помнил, ни из своей прошлой жизни, ни вообще о чем-либо, – словно невзначай произнес я. Следовало подготовить легенду своих провалов в памяти и изменения личности.

Как ни странно, доктор остался равнодушен к сказанному, качнул головой, будто ожидал услышать нечто подобное и небрежно обронил:

– Это многое объясняет. Перейдя грань, некоторые люди забывают прошлое, начиная жить с чистого листа. С точки зрения физиологии данное явление считается необратимыми повреждениями мозговых клеток участка мозга, отвечающего за память. С точки зрения метафизического значения... – он замолк, повернул голову и впервые посмотрел мне прямо в глаза. – Думаю ты и сам додумаешь нужное.

Это что, какой-то намек? Зря, я ни хрена не понял. Метафизика это точно не про меня. Мне бы что попроще. Кому голову открутить, в ком-нибудь наделать дырок из хорошего пистолета или винтовки. Философские рассуждения лучше оставить более увлекающимся натурам.

– Так какое еще укрепляющее тебе нужно? Я вроде дал тебе уже нужные таблетки, – подал голос док, так и не дождавшись ответа. Он снова уставился в дисплей, следя, как киберхирург проводит операцию на глазном яблоке. Сейчас его как раз извлекали. Мерзкое зрелище. У меня мелькнула мысль, что наверное данный агрегат легко можно использовать для пыток. Как там говорится: что лечит – то и калечит. А сам доктор выступает в роли палача. И это не потребует от него особых усилий, для врачей привычно причинять боль другим.

– Мне бы что-нибудь более действенное. Чтобы в следующие двадцать четыре часа оставаться бодрым и на ногах.

Док на секунду задумался, кивнул сам себе и отошел к столу с выдвижными ящиками. Вернулся держа в руке одноразовый шприц-инъектор, извлеченный из пластиковой упаковки.

– Вот, то, что тебе нужно.

Я протянул руку, но доктор отвел шприц обратно.

– Если у тебя есть чем заплатить.

Алчный ублюдок.

– Сколько? – я хмуро уставился в переносицу старика.

– Пятьдесят монет.

Ожидал худшего. На это у меня деньги есть, благодаря щедрости Йохана. Я вытащил из кармана чип-кэш.

– Давай.

Доктор несколько не удивился наличию у меня черной пластинки, молча сунул запястье с каким-то браслетом вперед.

– Проведи здесь, сумма автоматически спишется.

Спорю на что угодно, это не официальная процедура, а левый заработок самого дока, но платить все равно придется. Я провел чипом по краю браслета, мигнула лиловая полоса, на темной грани высветились списанные средства, затем показался остаток.

Двести семьдесят. С учетом стоимости операции сумма ни о чем, но с чего-то все же надо начинать.

– Что здесь? – вкалывать незнакомый препарат я не спешил, несмотря на то, что вроде как уже заплатил за него.

– Коктейль: витамины, аминокислоты, немного психотропных веществ для бодрости, чуть-чуть активных добавок для общего восстановления. В общем, всего понемножку, – объяснил док.

– Мда? – с сомнением протянул я. – А мне от твоего этого «всего понемножку» башню потом не снесет и я не превращусь в пускающего слюни идиота?

Боевая химия – приходилось мне как-то использовать нечто похожее. Не скажу, что опыт оказался особо удачным. Такое дерьмо любят армейцы из спецподразделений при выполнении длительных миссий вроде глубинной разведки. Позволяет оставаться в состоянии боеготовности долгое время. Нет лишних мыслей, голова работает четко и ясно. Все для реализации поставленной задачи и выполнения приказа.

Одно плохо – после этого дерьма, откат такой, что превращаешься в развалину. Злоупотреблять подобными стимуляторами чрезвычайно опасно. Легко можно подсесть и следом угробить здоровье. Но иногда обстоятельства требовали. Главное соблюдать предельную осторожность при дозировке, как при работе с нестабильной взрывчаткой.

Почему-то в памяти всплыл один контракт в Южной Америке, тогда направленный взрыв снес центр кортежа, уничтожив всех находящихся в лимузине. Глава картеля Хуарес погиб, ничего не успев толком понять.

Забавно, что его заказали не какие-то спецслужбы, а один из ближайших помощников, метивший на место самого главного. Тогда удалось сработать быстро и аккуратно, и уйти незамеченным. Чистая работа, без лишних жертв, без непредвиденных сложностей. Всегда бы так.

– Что вы дорогой, сэр, товар качественный, неоднократно проверенный, – отвечая на вопрос о качестве препарата пропел доктор.

Судя по тому, как слегка блестели глаза доктора, он и сам нередко прикладывался к своей дури.

Возвращаясь к химии. Выбора особого нет. Приходить в себя естественным путем нет времени. Осталась неделя, прежде чем потроха окончательно перестанут работать, каждая минута на счету.

– Куда колоть? Прямо в шею? – я поудобнее перехватил шприц.

– Да, но я бы на твоём месте погодил, – доктор вдруг уставился на экран на столе, оставив в покое дисплей капсулы.

– Что там? – я сделал шаг к столу.

Плоский невесомый монитор белого цвета показывал кадры с камеры наблюдения на внешнем корпусе медблока. К нему приближалась группа в пять человек во главе с уже известным Марексом.

Вот оно как, значит трус не сбежал, а отправился за подмогой. Надо отдать ему должное, в отличие от лысого приятеля, соображал он быстрее.

– Нарушение статута кодекса, беспорядки на территории лагеря – полковнику это не понравится, – протянул док, но как-то без особой суеты. Кажется он не верил в наказание от командира. Учитывая уровень здешний дисциплины – ничего удивительного.

А еще док ни на секунду не поверил в версию с несчастным случаем, поэтому не выглядел удивленным, увидев приближающихся гостей.

– Я заблокировал первую дверь, – сообщил он, нажав несколько кнопок на клавиатуре, и повернулся ко мне. – Но долго здесь оставаться ты не сможешь. Я не могу втягивать в конфликт медицинскую часть.

Логично, санчасть нейтральная зона, где помощь оказывают всем. Даже полные отморозки не начнут крушить место, где их в дальнейшем будут лечить.

– Могу предложить боевой коктейль, на время он сделает тебя сильнее и быстрее. Обычному человеку это мало что даст, без подготовки при приеме подобных препаратов происходит рассинхронизация координации тела. Удар выйдет быстрым, но неуклюжим, плюс скорее всего порвутся связки, – он внимательно поглядел на меня. – Но это ведь не наш случай, так?

Я коротко кивнул, несмотря на нахождение в другом теле, базис навыков у меня остался, от обычного гражданского офисного клерка я отличался так же, как осел от гепарда.

– Что мне это будет стоит? – я быстро соображал, прикидывая варианты.

– Три сотни монет.

– У меня только двести семьдесят, – я зажег грань кэш-чипа.

Старичок подумал, кивнул.

– Сойдет, – и достал из другого ящика еще один шприц с автоинъектором, на этот раз в оранжевой упаковке. Предыдущая с укрепляющим была обычного прозрачного цвета.

– Откуда такая щедрость? – насторожился я. – Коктейль не качественный?

– С коктейлем все в порядке, юноша. Просто у меня тоже есть свои небольшие слабости. И одна из них – скука, – док развел руками. – Полагаю тридцать монет неплохая цена за развлечение, что вы устроите под моими окнами. Фигурально выражаясь конечно.

Охренеть, старичок захотел посмотреть на гладиаторские бои между мной и теми обалдуями снаружи. Понимая, что без внешней поддержки шансов у меня мало, он уравнивал возможности, чтобы зрелище было веселей и быстро не закончилось.

Я про себя хмыкнул. У каждого свой интерес, за все приходится платить, в том числе за помощь. Хотя мне и не слишком охота выступать в роли гладиатора для этого корыстолюбивого сморчка, но похоже другого выхода нет.

– Сколько пройдет времени до активации и как долго эта штука будет действовать? – я взвесил в ладони ядовито-оранжевый шприц. Переданный чип с остатками денег уже исчез в карманах комбеза доброго доктора.

– Воздействие начнется через три-пять секунд, в зависимости от особенностей организма. Главное колоть в шею, справа, вот здесь, – дотрагиваясь до меня он не стал, показал

на себе. – Время действия примерно около часа. Может чуть подольше, опять же, все зависит от индивидуальных особенностей организма.

Час – это долго. Но опять же, не вставать же послушной овцой под чужие кулаки.

Жизнь штука жесткая. Если тебя ударили – обязательно ударь в ответ, иначе в следующий раз тебя просто угробят. Я давно познал эту истину, и с тех пор старался ее придерживаться.

Дашь слабину, и не успеешь опомниться, как непременно найдется ублюдок, что сядет на шею и свесит весело ножки вниз. Этого нельзя допускать. Тимофей не знал этого и послушно платил, когда стоило сразу послать наглецов на три веселых буквы.

– Если я их убью, можно мне будет забрать их органы? – неожиданно спросил я.

Вопрос застал дока врасплох. Его брови скакнули вверх, он явно не ожидал столь циничного подхода к исходу будущей драки.

– А-а... ээ-мм... думаю да, – с трудом справившись с удивлением сказал он и пояснил: – Надо посмотреть их контракты. Некоторые соглашаются с положением о посмертном донорстве в пользу отряда, получая за это ежемесячные выплаты.

Он склонил голову на бок, разглядывая меня как неведомую зверушку. Мое нынешнее поведение все сильнее выбивалось из образа тихого Тимофея Мещерского, нашедшего смелость отправиться в далекие края, но не сумевшего ее сохранить для отпора местным ублюдкам.

Так часто бывают, человек решается на сиюминутный порыв, а потом понимает, что это ему не по плечу и ломается, послушно плывя по течению.

– Небольшой совет: дайте им ударить вас первыми. Камеры это зафиксируют и отправят в массив метаданных регистра отряда.

Как ни странно, я интуитивно угадал, о чем идет речь, запись пойдет на сервер, закрепленный за наемниками полковника Холта. Вроде официальной странички с ограниченным доступом для контролирующих лиц. При официальном разбирательстве, это сыграет в мою пользу.

– И что потом? После того, как они ударят первыми? В каких пределах можно проявлять самооборону? – уточнил на всякий случай я, вспомнив, что мы как-никак находимся не в диких джунглях, какой-то закон здесь все же есть.

Но вопрос кажется удивил. Доктор пожал плечами.

– В каких угодно. Для защиты своей жизни разрешается предпринимать любые действия.

Я ухмыльнулся. Информация обрадовала. Придурки сами напросились. Злоба, незаметно душившая меня с самого начала пробуждения, из-за идиотской аварии после едва не проваленного контракта, из-за дурацкого попадания в тело непонятного подростка, давно уже остро требовала выхода. И это был подходящий случай, чтобы выплеснуть ее наружу.

Старичок пошамкал губами, что-то напряженно обдумывая и сказал:

– Но есть другой выход.

– Какой?

– Круг Равных.

– А поподробнее?

Док помедлил и рассказал.

8.

Круг Равных – силовой способ выяснения отношений, принятый в среде наемников в южном полушарии и не только. По сути, обычный поединок, устроенный по заранее оговоренным правилам. Некий аналог дуэли, но только со своими особенностями.

Название предполагает, что входящие в круг поединка на время становятся равными, вне зависимости от прежнего статуса, роли и должности. То есть, теоретически предполагалось, что даже рядовой может вызвать на бой любого члена отряда, вплоть до самого командира.

Лично я не верил, что это реально возможно. Если дать возможность рядовым вызывать на бой офицеров или ценных специалистов, на чью подготовку было затрачено деньги и ресурсы, то ничем хорошим в конечном итоге это не кончится. Какие-то исключения из правил должны быть, иначе вся структура командной цепочки посыплется как карточный домик и от отряда, как цельной единицы ничего не останется.

Но все это не про меня и мою ситуацию. Несмотря на то, что Тимофей имел лицензию пилота шагохода, свою машину он потерял и вообще никогда не считался особо ценным активом. Так что никаких запретов для поединка с моей стороны нет.

Об всем этом мне быстро поведал док, параллельно успев проверить подробности контрактов всей пятерки, столпившейся перед дверями медблока.

– Кажется все в порядке, они оказались столь неосторожными, что подписали согласие на передачу собственных тел в собственность отряда после окончательной смерти, – сообщил он, закончив проверку.

– То есть, я смогу забрать их органы и вставить себе? – уточнил я.

В глаза старичка в очередной раз мелькнуло удивление, легкость с какой я говорил про столь неоднозначную процедуру вызвала у него смутное беспокойство.

– Полагаю, что да. Если ты победишь, то можно будет обосновать изъятие органов для твоих нужд в качестве полученных трофеев, – док задумчиво подергал за мочку уха. Кажется, он впервые смотрел на подобное действие под таким углом.

Его не пугала сама трансплантация, но вызвало осторожное опасение, что по сути мы занимались дележом тел еще живых людей. Более безразличного человека это могло отвлечь. И уж точно никто не ожидал столь циничного подхода от бывшего главного рохли отряда, как Тимофей.

Но мне было наплевать. Главное сейчас – чертовое время. Семь дней, мне осталось жить семь дней. Это выглядело несправедливо, что я угодил в тело мало того, что слабохарактерного слизняка, так еще и практически умершего. Но судьба раздала уже карты и приходилось играть с тем что есть. Хотя сама ситуация и вызвала сильное раздражение.

Но плакаться некогда, надо решать вопрос. Если для этого придется прикончить пять придурков, возмнивших себя ангелами справедливости (история с Йоханом не всем могла показаться честной), то это исключительно их проблемы. Если при этом они помогут решить мои, то я это буду только приветствовать.

Как однажды сказал мне один случайный знакомый: в мире слишком много дебилов, чтобы переживать о еще нескольких сдохших.

Что касается самого поединка, то определенная уверенность в победе у меня имелаась. Да, мне досталось не самое хорошее тело, не тренированное, мягкое, нежное, слабое. Рыхлые мышцы, низкая выносливость, никакого понятия о рукопашном бое. Но ведь мои собственные навыки остались при мне. Я все еще я, и об этом не стоило забывать.

Я не умею драться. Правда. Я умею убивать. Все эти спортивные кунфу и карате неприменимы в моей сфере деятельности. Это красочные зрелища, призваны удовлетворить интерес публики. Даже бокс в реальной схватке насмерть мало чем отличается. Потому что во всех этих видах спорта, есть строгие правила, четко прописанные и заранее известные всем.

В настоящей уличной драке никаких правил нет. Никто не ставит тебе оценок, не прибежит рефери разнимать бой, не остановят гонгом окончание боя. В реальной жизни все по-другому. Единственный критерий победы – ты стоишь на ногах, а твой противник лежит. Ты жив, а он мертв. Вот так вот все просто. И никого не волнует, как ты этого добился, потому что зрителей нет.

Сейчас же мне предлагали именно поединок со зрителями, а это накладывало свой отпечаток. Вдруг какие-то действия будут признаны недостойными и схватку принудительно прекратят. Об этом я и спросил первым делом у дока.

– Прекратят? Нечестные удары? – он вытаращился на меня с недоумением. – Ничего такого нет. Если тыходишь в Круг Равных, то все правила остаются за границей круга. Если, конечно, вы заранее не обсудили условия поединка, скажем до первой крови или до потери сознания.

– А до смерти?

Док кивнул.

– Можно и до смерти. Думаю твои друзья этому даже обрадуются, – он кивком указал на монитор на столе, куда шла трансляция с внешней камеры перед входом в медблок.

Марек с приятелями продолжали терпеливо ждать, изредка обрушивая кулаки на металлическую дверь, тем самым напоминая о своем присутствии. Они уже слегка поуспокоились, но все еще находились на взводе. На этом можно сыграть. Нет лучшего противника, чем думающего эмоциями, а не разумом.

Выведи человека из эмоционального равновесия и заставь думать чувствами, а не головой и ты получишь над ним власть.

Был у меня клиент, которого требовалось убрать тихо, но это был человек привычки, почти никогда не остающийся один и живущий по четкому расписанию. Чтобы нарушить его привычный распорядок, я убил его любимую собачку – мелкого злобного монстра, обожавшего срать везде и кусать всех подряд. Итог – хозяин так расстроился от смерти любимца, что полностью изменил планы на следующий день, уделив все внимание сдохшей маленькой твари. И в какой-то момент остался один, получив незаметный укол в шею.

У меня получилось подобраться к нему очень легко, переодевшись в одного из цветочных курьеров. Этот экстравагантный джентльмен на полном серьезе хотел провести для сдохшей собаки настоящие похороны и даже распорядился начать необходимые приготовления. Что позволило мне к нему незаметно приблизиться. В любой другой день, у меня бы это не вышло, но хватило одной умершей псины, чтобы голова у человека перестала работать. Чем я в полной мере воспользовался.

Так и тут. Противники определенно находятся под влиянием эмоций, скорее всего считая меня слабаком, а случай с Йоханом списывая на случайность, – и на этом можно сыграть.

– Каковы ваши условия? – док вопросительно посмотрел на меня. – Я могу договориться через интерком.

Подумав, я сказал:

– Оружие – нож, использование стимуляторов разрешено. Первый поединок – трое против одного. Второй – двое против одного.

Доктор нахмурился.

– Вы собираетесь драться сразу против нескольких противников? Не кажется ли вам, это несколько опрометчивым? Положим с ножом они согласятся, но выступление против сразу троих сочтут оскорблением.

Я отмахнулся.

– Плевать. Скажите, что я хочу побыстрее все закончить. Наверняка подумают, что это желанием самоубийцы побыстрее сдохнуть.

Говорить про то, что пять последовательных схваток я скорее всего не выдержу, я не стал. Приятели Марек, конечно, придурки, но не полные идиоты. Видя как я расправляюсь один на один с их дружками, следующие в очереди обязательно захотят повисить собственные шансы и скорее всего тоже используют боевые стимуляторы.

А так они выйдут трое против одного с одними ножами, полностью уверенные в своей победе. Конечно, потом останется еще двое, но думаю удастся все выставить так, что «дурачку

Тимофею» в очередной раз повезло. Желание поквитаться за товарищей сподвигнет преступиться осторожностью и на этом можно будет их подловить.

План скороспелый, с огрехами. Но у меня действительно нет времени. Так сложилось, что приходится ставить на кон все.

– Договорились. Так я выхожу на связь? А то наши гости начинают проявлять признаки нетерпения.

И правда, удары по металлической двери становились все чаще и все сильнее, еще немного и начнут колотить не переставая. Разозленные наемники находились на грани.

– Круг Равных – через десять минут, – сказал я, наблюдая за разошедшимся поведением приятелей Йохана.

– Десять минут? – удивился док.

– Да, десять минут, не позже. Условия – нож, стимуляторы, бой насмерть. Трофеи достаются победителю.

Старичок пожал плечами, без слов говоря: похоже ты парень и правда торопишься умереть, но воля твоя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.